

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

В. А. Коннов,
А. Е. Симонова,
Ю. В. Песковая

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ЖАЛОБАМ
НА НАРУШЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Учебное пособие

Москва
2019

ББК 87.7
К64

Рецензенты:

- начальник правового управления Главного управления
МВД России по г. Москве **Григорьева Е. В.**;
- начальник правового управления Центра специального назначения
в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД
России, кандидат юридических наук **Юсупов М. Р.**

Коннов В. А., Симонова А. Е., Песковая Ю. В.

К64

**Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие / В. А. Коннов, А. Е. Симонова, Ю. В. Песковая. – М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. –101 с.
ISBN 978-5-9694-0653-7**

В учебном пособии рассматриваются особенности реализации правовых позиции Европейского Суда по правам человека в рамках мер общего и индивидуального характера, а также проводится анализ правовых позиций по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Учебное пособие представляет интерес для сотрудников правовых подразделений МВД России и других правоохранительных органов, практикующих юристов, специалистов в области международного и европейского права, аспирантов, студентов юридических вузов.

ББК 87.7

ISBN 978-5-9694-0653-7

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2019
© Коннов В. А., 2019
© Песковая Ю. В., 2019
© Симонова А. Е., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	6
1.1. Особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер общего характера	6
1.2. Особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер индивидуального характера	13
Глава II. АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ПО ЖАЛОБАМ НА НАРУШЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	24
2.1. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на ненадлежащие условия содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых, в специальных помещениях для лиц, задержанных за административные правонарушения, а также при их транспортировке	24
2.2. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на жестокое обращение со стороны сотрудников органов внутренних дел	32
2.3. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека в отношении нарушений при задержании.....	37
2.4. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушения в центрах временного содержания иностранцев, организации их административного выдворения, депортации и экстрадиции	44
2.5. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения права на эффективное расследование преступлений и справедливое судебное разбирательство.....	56
2.6. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения права на свободу собраний, объединений, свободу выражения мнений.....	64
2.7. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения прав и свобод человека при проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского федерального округа	72
2.8. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий	76
2.9. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения при заключении под стражу и содержании под стражей	84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	93
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	94

ВВЕДЕНИЕ

С 1998 года Российская Федерация признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека¹. С момента присоединения к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года² против России были поданы десятки тысяч жалоб и сотни из них были рассмотрены³. Для многих граждан после обращения в ЕСПЧ открылась возможность защитить свои права, с чем не справилась национальная судебная система. Можно смело констатировать, что в настоящее время Европейский Суд является одним из немногих действующих международных механизмов, позволяющих действительно защитить и восстановить нарушенные государством права.

В практике ЕСПЧ значительное место занимают жалобы на действия сотрудников правоохранительных органов. При этом данные жалобы, как правило, связаны с грубыми нарушениями фундаментальных прав человека. Правоохранительные органы, выполняя свои функции, имеют право применять принуждение, силу, специальные средства и оружие, что делает их потенциальным источником серьезных нарушений. Высокий соблазн отдельных сотрудников использовать власть вопреки интересам службы и требованиям законодательства порождает реальные угрозы защиты граждан и юридических лиц от произвола. В России данная проблема в последние два десятилетия стояла особенно остро. ЕСПЧ рассмотрел сотни дел, где основными виновниками нарушения прав были признаны сотрудники правоохранительных органов. Нередко это были грубейшие нарушения – пытки, издевательства, жестокое обращение и даже лишение жизни.

Одной из целей реформы органов внутренних дел, начатой в 2011 году, было изменение ситуации с полицейским произволом, кардинальное уменьшение фактов нарушения прав человека со стороны сотрудников. Руководство МВД России обращает серьезное внимание постановлением ЕСПЧ по жалобам, которые затрагивают интересы Министерства. Данные акты международного судебного органа позволяют выявлять актуальные проблемы, требующие принятия соответствующих управленческих решений по недопущению нарушений прав граждан. Правовые позиции ЕСПЧ по отдельным вопросам

¹ Далее – «ЕСПЧ, Суд, Европейский Суд».

² Далее – «Конвенция 1950 г.; Конвенция».

³ Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 14, ст. 1514.

деятельности правоохранительных органов становятся основой в том числе ведомственного нормотворчества в системе МВД России.

Настоящее учебное пособие систематизирует правовые позиции Европейского Суда, сформулированные в постановлениях по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Оно включает как теоретическую составляющую, позволяющую ознакомиться с наиболее общими организационно-процессуальными аспектами реализации постановлений ЕСПЧ в России, так и практическую сторону в виде анализа правовых позиций Суда в отношении жалоб на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел: вопросы задержаний, арестов, расследования преступлений, жестокого обращения с подозреваемыми и обвиняемыми, выдворения незаконных мигрантов, оперативно-разыскных мероприятий и др.

Учитывая огромное количество правовых позиций ЕСПЧ по каждой из сфер деятельности, в пособие включены только наиболее типичные из них или те, которые были сформулированы в постановлениях по «громким», резонансным делам.

Также следует отметить, что в пособии сознательно указаны правовые позиции по тем делам, где ЕСПЧ констатировал нарушение тех или иных прав. Те решения, в которых Суд констатировал отсутствие нарушений, не принимались во внимание и не включались в работу, поскольку они не порождают проблему. Кроме того, приводимые позиции в основном сформулированы в постановлениях, которые были вынесены по жалобам против России, что считаем важным, так как в них отражены насущные проблемы, присутствующие именно в Российской Федерации.

Глава I. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1.1. Особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер общего характера

Правовые позиции, сформулированные в постановлениях ЕСПЧ на основе Конвенции 1950 г. имеют важное значение как для совершенствования внутреннего законодательства и правоприменительной практики, так и для восстановления нарушенных прав граждан. Согласно части 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации¹ каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. В корреляции с названным положением находятся предписания части 4 статьи 15 Конституции РФ, устанавливающие, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и статьи 79 Конституции РФ, в силу которой Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации.

Поскольку Конвенция 1950 г. ратифицирована Российской Федерацией, государство обязано исполнять вынесенные на основании ее норм постановления ЕСПЧ по жалобе против России.

Реализация правовых позиций ЕСПЧ в Российской Федерации осуществляется в рамках мер индивидуального и общего характера.

Мерами общего характера являются те меры, которые государство обязано принять, чтобы предотвратить в будущем новые нарушения, подобные тем, которые были установлены в постановлениях Суда. Большая важность мер общего характера состоит в том, что они, по определению, выходят за пределы данного конкретного дела и затрагивают широкий круг лиц. Принятие мер общего характера подразумевает, прежде всего, анализ причин, приведших к нарушению Конвенции 1950 г., и поиск путей устранения этих причин.

¹ Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398 (далее – Конституция РФ).

В некоторых делах причина заключается в ошибочных действиях определенных должностных лиц, и констатация нарушения, таким образом, не свидетельствует о существовании в государстве-ответчике какой-либо структурной проблемы. Однако нередко случается, что нарушения Конвенции 1950 г. совершаются органами государственной власти в результате строгого выполнения ими законных предписаний, находящихся в противоречии с той или иной нормой международного договора. В этих случаях законодательные изменения, а также изменения в правоприменительной практике будут необходимы для того, чтобы предотвратить новые нарушения Конвенции 1950 г. Это составляет основной механизм реализации мер общего характера. Высшие судебные органы Российской Федерации неоднократно подтверждали статус правовых позиций ЕСПЧ в качестве основы для изменения правоприменительной практики, а также внесения изменений в законодательство Российской Федерации. В частности, согласно подпункту «в» пункта 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» суды наряду с нормативными правовыми актами должны учитывать в процессе отправления правосудия постановления Европейского Суда, в которых дано толкование положений Конвенции, подлежащих применению в данном деле¹.

Стоит также отметить абзац третий пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», согласно которому Российская Федерация как участник Конвенции признает юрисдикцию Европейского Суда обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации. Поэтому применение судами Конвенции должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ во избежание любого нарушения Конвенции»².

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 2.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – № 244.

Существенное влияние постановления ЕСПЧ оказывают и на решения Конституционного Суда Российской Федерации¹. Довольно часто Конституционный Суд РФ для подтверждения своей позиции ссылается на постановления Европейского Суда в целях обоснования своих решений в соответствии с принципами и нормами международного права.

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»² Конституционный Суд РФ, сославшись на ряд постановлений Европейского Суда, воспринял не только содержащиеся там конкретные правовые позиции, но и общий подход, заключающийся в том, что для определения прав обвиняемого и подозреваемого значимым является не формальное правовое признание лица таковым на основании процессуальных актов органов дознания, следствия или прокуратуры (предъявление обвинения либо объявление протокола задержания или постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу), а фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, когда уполномоченными органами власти предприняты меры, реально ограничивающие его свободу и личную неприкосновенность, в том числе свободу передвижения (удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов и т. п.). В противном случае, отметил Конституционный Суд РФ, реализация права на защиту и права пользоваться помощью адвоката (защитника) ставится в зависимость от усмотрения этих органов, что открывает возможность для недопустимых произвольных властных действий в отношении лица, чьи конституционные права и свободы ограничиваются (пункты 2 и 3 мотивировочной части, пункт 1 резолютивной части).

В своем Постановлении от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труха-

¹ Далее – «Конституционный Суд РФ».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 27, ст. 2882.

нова»¹ Конституционный Суд РФ в очередной раз подчеркнул значение части 4 статьи 15 Конституции РФ, указав, что Конвенция ратифицирована Российской Федерацией, вступила в силу на ее территории и, следовательно, является составной частью ее правовой системы. Конституционный Суд РФ также отметил значение положения последнего параграфа статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пояснив, что Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда и обязалась привести правоприменительную, в том числе судебную, практику в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в Конвенции и Протоколах к ней.

Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ, при применении Конвенции суды должны учитывать (применять) все постановления Европейского Суда (не только вынесенные в отношении России), которые развивают толкование международного договора. Вследствие этого Конституционный Суд РФ во многих своих постановлениях учитывает постановления Европейского Суда, в том числе вынесенные против других государств. Так, например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бутмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова»² Конституционный Суд РФ в подтверждение своей позиции приводит решение Европейского Суда по аналогичному делу «Боуман против Соединенного Королевства»³. В этом деле Европейским Судом была высказана

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 3.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бутмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Российская газета. – 2003. – № 221.

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 февраля 1998 г. по делу «Боуман против Соединенного Королевства» (жалоба № 24839/94) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58134> (дата обращения: 1 февраля 2018 г.).

позиция о том, что в Конвенции 1950 г. понимается под свободными выборами, свободой слова и свободой политической дискуссии.

Таким образом, не являясь официально источником российского права, правовые позиции ЕСПЧ оказывают большое влияние на правоприменительную деятельность. Кроме того, проводником, связующим звеном между международным правом и национальной правовой системой фактически является Конституционный Суд РФ, в актах которого неоднократно были применены логика и правовые позиции Суда¹.

Средством, позволяющим ЕСПЧ исключить вероятное «повторение тех же выводов в целом ряде дел», выступает возможность использования им процедуры так называемого пилотного постановления, посредством которого Европейский Суд может прямо указать на существование структурных проблем в национальном законодательстве или правоприменительной практике и назвать конкретные меры или действия, которые следует принять государству-ответчику для их устранения. Данные постановления выносятся тогда, когда Европейскому Суду становится очевидным, что против государства в течение продолжительного времени подаются однотипные жалобы от никак не связанных друг с другом лиц. Пилотные постановления в большей степени должны побудить государства предпринимать меры общего характера.

Первым для Российской Федерации стало пилотное постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против России (№ 2)»². Суть жалобы заключалась в том, что ликвидатору аварии на Чернобыльской атомной электростанции Анатолию Бурдову в течение многих лет не осуществляли денежные выплаты, положенные ему в соответствии с законодательством. При этом органами исполнительной власти Российской Федерации не исполнялись решения российских судов, которые обязывали осуществить такие выплаты. Судом было констатировано, что в данном деле Российская Федерация дважды нарушала собственное законодательство: не выплачивала положенные по закону деньги и игнорировала судебные решения национальных судов. В названном постановлении ЕСПЧ с учетом положений статей

¹ Мартынов О. А. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на правовую систему Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 1 (18). – С. 146.

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против России (№ 2)» (жалоба № 33509/04) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90671> (дата обращения: 1 февраля 2018 г.).

1 и 46 Конвенции указал на то, что Российской Федерации необходимо принять меры общего характера для обеспечения права заявителя, которое Европейский Суд признал нарушенным. Было особо подчеркнуто, что такие меры должны быть приняты в отношении и других лиц, находящихся в положении заявителя, особенно путем устранения проблем, которые повлекли выводы ЕСПЧ.

Изменения в нормативной базе в качестве мер общего характера являются важным условием законной реакции государства на нарушения, установленные в постановлениях ЕСПЧ. За последние годы правовые позиции Европейского Суда стали основанием для внесения изменений в большое количество правовых актов Российской Федерации, в том числе тех, которые касаются деятельности органов внутренних дел.

В частности, для обеспечения реализации прав подозреваемых и обвиняемых на обращение в ЕСПЧ с учетом выводов Европейского Суда, изложенных в постановлении от 10 июня 2010 г. по делу «Захаркин против Российской Федерации» (жалоба № 1555/04)¹, был принят Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 193-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»². В данную норму были внесены положения о том, что подозреваемым и обвиняемым на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, предоставляются свидания с их представителями в Европейском Суде по правам человека и лицами, оказывающими им юридическую помощь в связи с намерением обратиться в Европейский Суд.

Также в рамках выполнения постановления Европейского Суда от 28 октября 2010 г. по делу «Борис Попов против Российской Федерации» (жалоба № 23284/04)³ Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июня 2010 г. по делу «Захаркин против Российской Федерации» (жалоба № 1555/04) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99226> (дата обращения: 1 февраля 2018 г.).

² Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 193-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I), ст. 3399.

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2010 г. по делу «Борис Попов против Российской Федерации» (жалоба № 23284/04) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101323> (дата обращения: 1 февраля 2018 г.).

исполнительный кодекс Российской Федерации»¹ в законодательство Российской Федерации введены положения, направленные на защиту от произвольного вмешательства в право на уважение корреспонденции осужденных к лишению свободы.

В рамках выполнения упомянутого выше пилотного постановления Европейского Суда от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)», а также 255 постановлений ЕСПЧ, входящих в группу дел «Тимофеев», были приняты федеральные законы от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»² и № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», которыми создано внутригосударственное средство правовой защиты от нарушений права, связанного с несоблюдением разумных сроков исполнения судебного акта, предусматривающее обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Данное средство правовой защиты признано Европейским Судом эффективным по смыслу Конвенции.

Проблемы правового регулирования, обозначенные в постановлении ЕСПЧ от 6 июня 2013 г. по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации» (жалоба № 1585/09)³, были разрешены путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации, в частности, Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в связи с уточнением полномочий органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам обработки персональных данных». Также был издан приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 22 ноября 2013 г. № 506 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке обработки в органах прокуратуры Российской Федерации

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013 – № 53 (ч. 1), ст. 7629.

² Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010 – № 18, ст. 2144.

³ Постановление Европейского Суда по правам человека 6 июня 2013 г. по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации» (жалоба № 1585/09) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-120071> (дата обращения: 1 февраля 2018 г.).

персональных данных, полученных в связи с осуществлением прокурорского надзора» и принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»¹.

Таким образом, реализация правовых позиций ЕСПЧ в рамках мер общего характера в настоящее время осуществляется в России как путем внесения изменений в законодательство и подзаконные нормативные правовые акты, так и путем изменения правоприменительной практики высшими судами Российской Федерации.

1.2. Особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер индивидуального характера

В терминологии ЕСПЧ под «мерами индивидуального характера» понимаются действия, которые должно предпринять государство, признанное нарушителем Конвенции 1950 г. или Протоколов к ней, в целях восстановления нарушенных прав конкретного лица (лиц). Данный вид мер не предполагает их применения в отношении широкого круга лиц и реализуется индивидуально.

Меры индивидуального характера применяются для устранения последствий нарушения прав человека путем их восстановления (если это возможно на момент вступления в силу постановления Суда). Однако во многих случаях восстановить нарушенное право оказывается невозможным вследствие самого характера нарушения. К примеру, при нарушении статьи 3 Конвенции в части применения пыток, жестокого или бесчеловечного обращения нет возможности восстановить в принципе ситуацию в том виде, в котором она существовала до совершения нарушения. Пытки уже произошли, человек испытал страдания. Единственной компенсацией в данном случае может быть компенсация ущерба в виде возмещения расходов на восстановление здоровья (если имел место физический ущерб) либо возмещения морального вреда. В некоторых делах ущерб, нанесенный заявителю, может быть реально компенсирован только принятием государством-ответчиком специальных решений, которые позволят хотя бы частично восстановить прежнюю ситуацию. Примером таких решений явля-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. – 2013. – № 145.

ется снятие наложенной в нарушение Конвенции 1950 г. судимости и восстановление лица в утраченных правах.

В постановлениях ЕСПЧ меры индивидуального характера имеют, как правило, две формы – выплата денежной компенсации и/или обязанность восстановить нарушенное право.

В первом случае, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310 «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителе Министра юстиции Российской Федерации»¹ Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместитель Министра юстиции Российской Федерации² в установленный срок информирует о вступлении постановления ЕСПЧ в силу органы государственной власти, которые являются заинтересованными сторонами, а также Министерство финансов Российской Федерации. Данные органы в установленный срок (как правило, от 1 до 3-х месяцев) после получения извещения от Уполномоченного при ЕСПЧ обеспечивают исполнение постановления в полном объеме. Также об этом информируются Конституционный Суд РФ, Верховный Суд Российской Федерации³, Генеральная прокуратура Российской Федерации.

В случае вынесения Европейским Судом постановления с присуждением заявителю компенсации за причиненный вред Уполномоченный при ЕСПЧ оформляет и направляет необходимые для осуществления выплаты документы в Министерство финансов Российской Федерации, которое не позднее, чем через 15 дней после их получения осуществляет соответствующую выплату заявителю и направляет Уполномоченному при ЕСПЧ копии подтверждающих платежных документов.

Если непосредственно заявитель не имеет возможности производить банковские операции (например, отбывает наказание в местах лишения свободы по приговору суда), за него это вправе сделать родственник или представитель по нотариальной доверенности. Назначенная судом сумма выплачивается полностью в национальной валюте по официальному курсу, действующему на день выплаты.

¹ Указ Президента РФ от 29 марта 1998 г. № 310 «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителе Министра юстиции Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 14, ст. 1540.

² Далее – «Уполномоченный при ЕСПЧ».

³ Далее – «Верховный Суд РФ».

Однако меры индивидуального характера не могут ограничиваться выплатой денежной компенсации, что подтверждено позициями высших судов. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П¹ указывается, что, исходя из особенностей полномочий ЕСПЧ, которые основаны на принципе субсидиарности, а также специфике рассматриваемых им дел, не всякое его решение, обязывающее государство-ответчика выплатить соответствующую денежную компенсацию, обеспечивает тем самым и полное восстановление нарушенного права. Следовательно, Конституционный Суд РФ подтвердил позицию, в соответствии с которой необходимо предпринимать меры по восстановлению прав конкретного лица наряду с выплатой денежной компенсации.

Заслуживает также внимания пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»². Оценивая названное постановление, следует отметить, что оно, по сути, является изложением Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (2000) 2³ о повторном открытии и пересмотре национальной процедуры, следующей за решением Европейского Суда, в которой государствам-участникам предложено удостовериться, что на национальном уровне существуют адекватные возможности для того, чтобы достигнуть «*restitution in integrum*» (восстановления в первоначальное положение), включая возможности повторного открытия и пересмотра дела. Так, в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ указано, что отмена (изменение) судебного акта, при вынесении которого было допущено нарушение положений Конвенции или Протоколов к ней, исходя из обстоятельств дела, сама по себе может являться достаточной для восстановления нарушенных прав и свобод без денеж-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» // Российская газета. – 2010. – № 51.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. – 2013.

³ Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 19 января 2000 г. № R (2000) 2 «По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека» // Российская газета. – 2001. – № 12.

ной компенсации морального вреда. В соответствии с этими позициями другой мерой индивидуального характера, принимаемой при исполнении решений ЕСПЧ, является пересмотр внутренними судами дел, в которых было установлено нарушение Конвенции или Протоколов к ней. В постановлениях ЕСПЧ не устанавливаются порядок и процедура восстановления нарушенных прав. Каждое государство-ответчик закрепляет в своем внутреннем законодательстве процессуальные нормы, обеспечивающие выполнение данного решения. Таким образом, процедуры восстановления нарушенных прав могут меняться в зависимости от национальной правовой системы государства-члена Совета Европы. В отдельных случаях – это судебная процедура, но в других могут иметь место иные процедуры. Следует отметить, что судебное решение, принятое национальными судами, не подлежит пересмотру в системе международного правосудия. Однако принятое государством обязательство исполнять вступившие в силу постановления ЕСПЧ обуславливает наличие в национальном законодательстве механизма восстановления нарушенных прав заинтересованных лиц в случае, если эти права не могут быть восстановлены только путем присуждения и выплаты денежной компенсации.

Действующее в настоящее время регулирование процедур пересмотра вступивших в законную силу решений судов в связи с установлением ЕСПЧ нарушения Конвенции 1950 г. подразумевает возможность такого пересмотра в отношении только конкретного заявителя, в деле которого ЕСПЧ установил нарушение. При этом далеко не всякое нарушение должно повлечь пересмотр. Эта мера может быть реализована только тогда, когда нарушение норм Конвенции прямо повлияло на существо принятого решения.

Так, в соответствии с абзацем вторым пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 судебный акт подлежит пересмотру в том случае, если заявитель продолжает испытывать неблагоприятные последствия такого акта (например, если лицо продолжает находиться под стражей в нарушение положений Конвенции) и выплаченная заявителю справедливая компенсация, присужденная Европейским Судом во исполнение статьи 41 Конвенции, либо иные средства, не связанные с пересмотром, не обеспечивают восстановление нарушенных прав и свобод.

Таким образом, пересмотру, как правило, подлежат судебные акты, если одновременно соблюдаются два условия:

- 1) нарушение Конвенции существенно повлияло на принятое решение;

2) последствия принятого с нарушением Конвенции решения не могут быть устранены только выплатой присужденной ЕСПЧ компенсации.

Процедуры реализации мер индивидуального характера на основе постановления ЕСПЧ начинаются с возобновления производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, которые предусмотрены процессуальными кодексами Российской Федерации (например, пунктом 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, пунктом 4 части четвертой статьи 392 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации). Днем открытия новых или вновь открывшихся обстоятельств считается день вступления в силу постановления ЕСПЧ.

Если ЕСПЧ установил нарушение Конвенции или Протоколов к ней, допущенное в рамках гражданского, административного или арбитражного судопроизводства, то возобновление дела происходит в тех же инстанциях, где такое нарушение было допущено.

В том же случае, если установленное нарушение имело место в рамках уголовного процесса, то пересмотр дела осуществляется Президиумом Верховного Суда РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ не позднее одного месяца со дня поступления данного представления (часть пятая статьи 415 УПК РФ). Законом не оговорено, в какие сроки данное представление должно быть внесено. Основанием пересмотра дела в любом случае становится установление причинно-следственной связи между правовой позицией ЕСПЧ по конкретному делу и имевшим место нарушением.

По этому поводу Конституционный Суд РФ в 2016 году указал, что определение и постановление суда могут быть отменены только ввиду вновь открывшихся обстоятельств, которые могли повлиять на ход разбирательства². В частности, это было подтверждено в рамках рассмотрения дела Петрова М. В., осужденного за совершение тяжких

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1), ст. 4921 (далее – «УПК РФ»).

² Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 13-О «По жалобе гражданина Петрова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой и подпунктом «б» пункта 2 части четвертой статьи 413, частью пятой статьи 415 уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» – <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision222254.pdf> (дата обращения – 24 мая 2018 г.).

преступлений, в отношении которого ЕСПЧ установил нарушение принципа презумпции невиновности, наличие неудовлетворительных условий содержания под стражей и признал Российскую Федерацию, нарушившей Конвенцию. Верховный Суд РФ отказался пересматривать дело вследствие того, что установленное ЕСПЧ нарушение не влияет на виновность лица в совершении преступлений. Конституционный Суд РФ в своем Определении от 14 января 2016 г. № 13-О указал, что УПК РФ действительно признает новым обстоятельством установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела. Однако упоминание Европейским Судом возможности смягчения уголовного наказания как формы компенсации заключенному под стражу в связи с нарушениями лишь ориентирует на такую возможность правоприменителя, но не предполагает пересмотра приговора. А неудовлетворительные условия содержания под стражей, за которые ЕСПЧ присуждена компенсация, сами по себе не являются обстоятельством, исключаящим преступность и наказуемость деяния. В дальнейшем в рассмотрении жалобы было отказано.

Пересмотр приговора, определения или постановления суда по обстоятельствам, указанным в пунктах 1 и 2 части четвертой статьи 413 УПК РФ, осуществляется Президиумом Верховного Суда РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ не позднее одного месяца со дня поступления данного представления. По результатам рассмотрения представления Президиум Верховного Суда РФ отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ или постановлением Европейского Суда. Копии постановления Президиума Верховного Суда РФ в течение 3 суток направляются в Конституционный Суд РФ, лицу, в отношении которого принято данное постановление, прокурору и Уполномоченному при ЕСПЧ.

Реализация правовых позиций ЕСПЧ в форме пересмотра судебных решений не всегда бывает возможной даже в случае, когда установленное нарушение повлияло на ход разбирательства. В настоящее время существует несколько обстоятельств, которые могут не повлечь пересмотра судебных решений в порядке производства по вновь открывшимся обстоятельствам.

Первое обстоятельство связано с тем, что Конституционный Суд РФ принял Постановление от 14 июля 2015 г. № 21-П¹, в котором указал, что постановления ЕСПЧ, противоречащие Конституции РФ, могут быть признаны неисполнимыми, исходя из принципа верховенства Основного закона.

В частности, было определено, что суды Российской Федерации, осуществляющие производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта в отношении лица, по жалобе которого было принято постановление ЕСПЧ, констатирующее нарушение Конвенции, обязаны приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке его соответствия Конституции РФ.

На основании данного Постановления были внесены изменения в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О конституционном Суде Российской Федерации»², согласно которым установлен порядок признания постановления ЕСПЧ неисполнимым. Полномочиями по осуществлению проверки на соответствие Конституции РФ вступившим в силу постановлений ЕСПЧ наделен Конституционный Суд РФ.

Уполномоченный при ЕСПЧ на основании заключения федеральных государственных органов, на которые возложена обязанность в пределах своей компетенции принимать меры по исполнению решений ЕСПЧ, вправе обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о разрешении вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Таким образом, если Конституционный Суд РФ констатирует невозможность исполнения в целом или в части в соответствии

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей первой и четвертой статьи 13, пункта 4 части третьей статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей первой и четвертой статьи 15, пункта 4 части первой статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – 2015. – № 163.

² Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 51 (часть I), ст. 7229.

с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ, какие-либо действия (акты), направленные на исполнение соответствующего постановления, в Российской Федерации не могут осуществляться (приниматься).

Характерным примером данной ситуации стало дело «Анчугов и Гладков против Российской Федерации»¹.

Заявители были осуждены в Российской Федерации за совершение особо тяжких преступлений и находились в местах лишения свободы. Заявители жаловались на лишение избирательных прав и невозможность участвовать в ряде выборов, проходивших в России. Им было отказано в реализации данного права избирательными комиссиями и судами Российской Федерации на основании части 3 статьи 32 Конституции РФ, которая предусматривает то, что не имеют права избирать и быть избранными лица, находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда, вступившему в законную силу. В своем постановлении по данному делу ЕСПЧ признал нарушение ряда статей Конвенции, подчеркнув, что в то время как действительно большая категория лиц (содержащихся под стражей в период судебного разбирательства) сохраняет право на участие в голосовании, лишение избирательных прав, тем не менее, касается большой группы преступников и наказаний в виде лишения свободы от двух месяцев (минимально) до пожизненного заключения. Также в числе лишенных данного права лиц присутствуют лица, отбывающие наказание за преступления сравнительно небольшой тяжести и особо тяжкие преступления. Было констатировано, что фактически часть 3 статьи 32 Конституции РФ вводит бланкетное ограничение для всех осужденных заключенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, не предусматривая никакой дифференциации.

После вступления в силу данного постановления ЕСПЧ Министерство юстиции Российской Федерации усмотрело возможное противоречие между правовой позицией международного суда и Конституцией РФ и в соответствии с законодательством обратилось в Конституционный Суд РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П выработал позицию, в соответствии с которой постановление ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» не может быть исполнено, поскольку

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. № 12-П по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» (жалоб № 11157/04 и 15162/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2014. – № 2.

для этого потребовалось бы или нарушить действующую Конституцию Российской Федерации, или внести в нее изменения¹. Но даже внесение изменений не позволило бы реализовать правовую позицию международного суда, поскольку изменения не могут иметь обратную силу. В частности, Конституционный Суд РФ указал, что в 1996 г. Россия подписала, а в 1998 г. ратифицировала Конвенцию 1950 г., исходя из того, что часть 3 статьи 32 Конституции РФ полностью согласуется с предписаниями статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции и потому не нуждается в каком-либо изменении. Никаких вопросов, связанных с возможными противоречиями между ними, не возникало и у Совета Европы. Иными словами, и Россия, и Совет Европы признавали, что статья 3 Протокола № 1 к Конвенции к моменту ее ратификации Российской Федерацией и часть 3 статьи 32 Конституции Российской Федерации находятся в полном соответствии друг с другом. Вместе с тем в деле «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» ЕСПЧ осуществил «эволютивное» толкование Конвенции, которое не получило в настоящее время всеобщего признания. Однако в контексте действия части 3 статьи 32 Конституции РФ в системе уголовного законодательства и основанной на нем судебной практики приговор суда – это не только формальное основание для лишения лица свободы, но и главный непосредственный источник его специального правового статуса как осужденного, что влечет для него и ограничение избирательных прав.

Следует также отметить, что в ряде случаев реализация правовых позиций ЕСПЧ в форме пересмотра судебных решений не осуществляется в силу того, что решение, обеспечивающее восстановление нарушенных прав, было принято другим органом власти. Примером может служить постановление Президиума Верховного Суда РФ от 3 сентября 2014 г. № 100-П14. В нем ставился вопрос о возобновлении производства по делу в отношении гражданина Таджикистана Сидикова Ф.Ф. ввиду новых обстоятельств в связи с тем, что ЕСПЧ установил нарушение положений ЕКПЧ при производстве по делу². Сиди-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. – 2016. – № 95.

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июня 2013 г. по делу «Сидиковы против Российской Федерации», (жалоба № 73455/11). // <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-209770> (дата обращения: 24 мая 2018 г.).

ков Ф.Ф., полагая, что его права нарушены, обратился с жалобой, указывая, что в случае его выдачи в Таджикистан возникнет реальная опасность, что он подвергнется пыткам и жестокому обращению. ЕСПЧ в своем постановлении от 20 июня 2013 г. по делу «Сидиковы против Российской Федерации» указал, что исполнение решения о выдаче Сидикова Ф. Ф. по запросу в Республику Таджикистан повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции 1950 г., поскольку предоставленные Таджикистаном гарантии не являются сами по себе достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения в тех случаях, когда имеется надежная информация о практике действий или попустительстве властей, которые явно противоречат принципам Конвенции. Однако в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 3 сентября 2014 г. №100-П14 было указано на отсутствие оснований для пересмотра определения Московского городского суда от 14 сентября 2011 года, которым жалоба на постановление о выдаче была оставлена без удовлетворения, поскольку судебное постановление от 30 июня 2011 года о выдаче Сидикова Ф. Ф. по запросу Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан было отменено заместителем Генерального прокурора Российской Федерации 26 июня 2014 года.

Таким образом, помимо денежной компенсации, реализация правовых позиций ЕСПЧ в рамках мер индивидуального характера может быть осуществлена в следующих формах:

- возобновление судебного разбирательства;
- отмена судебного решения;
- вынесение оправдательного приговора;
- снятие судимости;
- освобождение из-под стражи;
- отмена решения о выдаче.

Вместе с тем решения, связанные с отменой ранее принятых судебных актов, должны быть обусловлены не только установлением нарушения со стороны государства Европейским Судом, но и существенным образом повлиять на окончательное решение, установление вины лица и другие обстоятельства дела, позволившие привлечь лицо к ответственности. Также важнейшим условием исполнения постановления ЕСПЧ в части мер индивидуального характера является не противоречие правовых позиций международного суда Конституции РФ.

Глава II. АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ПО ЖАЛОБАМ НА НАРУШЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на ненадлежащие условия содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых, в специальных помещениях для лиц, задержанных за административные правонарушения, а также при их транспортировке

Данный вид жалоб является одним из самых распространенных в отечественной практике обращения в ЕСПЧ. Это во многом объясняется фактами несоблюдения российскими правоохранительными органами международных обязательств и положений собственного законодательства о порядке содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых (в том числе Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹). Аналогичным образом выглядит и практика в отношении жалоб из многих других стран-членов Совета Европы. Вследствие этого в контексте содержания под стражей ЕСПЧ рассматривал самые различные аспекты нарушения статьи 3 (Запрещение пыток) Конвенции.

Квалификация: все жалобы такого рода, по которым установлено нарушение Конвенции, были в числе прочего квалифицированы по статье 3 Конвенции, которая также предусматривает запрет на бесчеловечное и унижающее обращение или наказание. В ряде постановлений ЕСПЧ указывалось, что понятие бесчеловечного обращения как минимум подразумевает такое обращение, при котором намеренно причиняются глубокие страдания как моральные, так и физические, которые в данной конкретной ситуации не могут быть оправданы. Термин «пытка» обычно применяется для описания бесчеловечного обращения, имеющего такую цель, как получение информации или признания, или применение наказания, и является, по общему правилу, ухудшенной формой бесчеловечного обращения. Обращение с лицом или его наказание могут быть квалифицированы как унижающие достоинство, если они в значительной степени унижают его перед ли-

¹ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995 – № 29, ст. 2759.

цом других или же вынуждают его действовать против своей воли или совести. Все эти элементы содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых¹ имеют важное значение для квалификации.

Рассмотрим некоторые постановления ЕСПЧ, которые были.

Отдельные проблемы, связанные с неудовлетворительными условиями содержания лиц в ИВС, были подняты Судом в постановлении от 19 июля 2007 г. по делу «Трепашкин против Российской Федерации» (жалоба № 36898/03)². Обстоятельства жалобы сводились к следующему:

- заявитель был задержан в 2003 году по подозрению в совершении преступления (незаконное хранение оружия и боеприпасов) и сначала помещен в изолятор временного содержания УВД г. Дмитрова Московской области;

- заявитель утверждал, что в камере были неудовлетворительные условия содержания, в частности, он указывал на грязный пол, наличие насекомых, отсутствие отопления, постельных принадлежностей, тусклый круглосуточный свет, отсутствие раковины и горячей воды;

- по утверждению заявителя, с момента задержания ему не было предоставлено ни одной прогулки;

- размеры камеры были маленькими, менее 6,6 квадратных метра, о чем утверждали власти Российской Федерации.

Российская сторона оспаривала ряд утверждений заявителя в процессе рассмотрения дела в ЕСПЧ. Однако было признано, что на протяжении более 20 дней содержания в ИВС специальное помещение, предназначенное для прогулок, находилось на ремонте и заявитель действительно не мог воспользоваться данным правом.

Обосновывая свою позицию по факту нарушения статьи 3 Конвенции, ЕСПЧ отметил, что: *«...законные меры, связанные с лишением лица свободы, могут часто включать в себя элементы страдания и унижения... государство должно обеспечить, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, которые совместимы с уважением его человеческого достоинства, чтобы порядок и способ исполнения такой меры не подвергали лицо моральным переживаниям и страданиям, интенсивность которых превышает неизбежный уровень страдания, присущий содержанию под стражей, и чтобы – принимая во*

¹ Далее – «ИВС, изолятор временного содержания».

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 июля 2007 г. по делу «Трепашкин против Российской Федерации» (жалоба № 36898/03) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-81801> (дата обращения: 24 мая 2018 г.).

внимание практические потребности, вытекающие из применения такой меры, как лишение свободы здоровье лица и его благополучие обеспечивались бы надлежащим образом...» (пункт 91 постановления ЕСПЧ от 19 июля 2007 г. по делу «Трепашкин против Российской Федерации» (жалоба № 36898/03)).

Европейский Суд указал, что представленные российской стороной доводы не в полной мере доказывают отсутствие неудовлетворительных условий содержания в ИВС на момент помещения туда заявителя. При этом ЕСПЧ указал на невозможность дать однозначную оценку приемлемости содержания лица в камере размером 6,6 квадратных метров, отметив, что на это могут повлиять множество обстоятельств.

Аналогичные нарушения, связанные с неудовлетворительными условиями содержания в ИВС, констатировались в постановлении ЕСПЧ от 29 апреля 2010 г. по делу «Христофоров против Российской Федерации» (жалоба № 11336/06)¹. Заявитель провел в ИВС РУВД Магаданской области 7,5 месяцев в помещении без окон, вентиляции, туалета. Помещение было сырое, покрыто плесенью, с насекомыми и низкой температурой. ЕСПЧ указал, что *«содержание под стражей в полиции в принципе занимает относительно короткий срок. Однако определенные элементарные требования в отношении материального обеспечения должны выполняться. Все полицейские камеры должны иметь достаточную площадь для такого числа лиц, которое в ней обычно размещается, соответствующее освещение (то есть достаточное для чтения, исключая периоды сна) и вентиляцию. Желательно, чтобы в камерах было естественное освещение. Кроме того, камеры должны быть оборудованы средствами отдыха (например, прикрепленные к полу стул или скамейка), а лица, вынужденные оставаться под стражей ночью, должны быть обеспечены чистым матрацем и одеялами. Лицам, содержащимся в камерах полиции, следует разрешить отправлять естественные потребности в чистых и приличных условиях и обеспечить соответствующие условия для мытья»* (пункт 42 постановления ЕСПЧ от 29 апреля 2010 г. по делу «Христофоров против Российской Федерации» (жалоба № 11336/06)).

Сходные позиции констатировались ЕСПЧ в тех случаях, когда лица, которые должны были содержаться в ИВС, провели по несколь-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 апреля 2010 г. по делу «Христофоров против Российской Федерации» (жалоба № 11336/06) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98452> (дата обращения: 24 мая 2018 г.).

ку дней в помещениях для временно доставленных лиц. Так, в постановлении от 3 марта 2011 г. по делу «Купцов и Купцова против России» (жалоба № 6110/03)¹. Один из заявителей, в то время несовершеннолетний, был задержан по подозрению в совершении по предварительному сговору с другими лицами нескольких ограблений. Первоначально он несколько дней содержался в Красноармейском районном отделе милиции г. Волгограда. В данном районном отделе внутренних дел не было изолятора временного содержания. Все содержащиеся под стражей лица находились в пяти камерах для временно доставленных. В камерах не было кроватей, постельное белье и пища не выдавались. Питьевая вода предоставлялась по требованию. Прогулки не допускались, поскольку в отделении милиции не было прогулочного двора. Имели место ограничения доступа к туалету. В данном деле Российская Федерация признала факт нарушения статьи 3 Конвенции. ЕСПЧ указал, *что условия содержания умаляли человеческое достоинство заявителя и порождали в нем чувства тоски и неполноценности в степени, превышающей неизбежный уровень страданий, присущий лишению свободы; таким образом, условия содержания под стражей заявителя в камере для временно доставленных лиц в Красноармейском отделении милиции составляли бесчеловечное и унижающее достоинство обращение* (пункт 71 постановления ЕСПЧ от 29 апреля 2010 г. по делу «Купцов и Купцова против России» (жалоба № 6110/03).

Отдельной проблемой, связанной с условиями содержания в ИВС, ЕСПЧ считает проблему «длящихся обстоятельств». Она заключается в том, что на практике подозреваемые и обвиняемые пребывают в условиях ограничения свободы значительно дольше, чем впоследствии учитывается официально. Однако в правовых позициях Суда в настоящее время нашло отражение мнение, в соответствии с которым «длящиеся обстоятельства» должны охватываться статьей 3 Конвенции. В частности, правовая позиция сводится к тому, что «...суд подтверждает свою последовательную позицию рассматривать как «длящееся обстоятельство» несколько разных периодов содержания заявителя под стражей, когда характер жалоб заявителя на условия его содержания под стражей оставался практически одинаковым. В случае повторения одних и тех же событий, таких как размещение заявителя в конвойных камерах при перевозке, даже если заявитель

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 марта 2011 г. по делу «Купцов и Купцова против России» (жалоба № 6110/03) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103636> (дата обращения: 24 мая 2018 г.).

заклучался туда не постоянно, а в определенные дни, отсутствие каких-либо значительных изменений в условиях перевозки, которой он регулярно подвергался, привело, по мнению Суда, к возникновению «длящегося обстоятельства», вследствие чего под компетенцию Суда подпадает весь обжалуемый период» (пункт 18 постановления ЕСПЧ от 4 мая 2017 г. по делу «Казаков и другие против России» (жалоба №№ 4649/08)).

Похожие правовые позиции по вопросам условий содержания в ИВС были высказаны Европейским Судом в таких постановлениях, как постановление от 12 марта 2009 г. «Джамбекова и другие против Российской Федерации» (жалобы № 27238/03 и 35078/04), от 23 февраля 2016 г. по делу «Мозер против Республики Молдова и Российской Федерации» (жалоба № 11138/10), от 6 октября 2016 г. по делу «Филимонов и Фазлутдинов против России» (жалобы № 71621/13 и 381/15), от 13 декабря 2016 г. по делу «Юнзель против Российской Федерации» (жалоба № 60627/09), от 13 декабря 2016 г. по делу «Идалов против Российской Федерации (№ 2)» (жалоба № 41858/08), от 22 июня 2017 г. по делу «Мазнев и другие против Российской Федерации» (№ 48826/08, 54526/10, 43512/13, 51512/13, 58203/13 и 68362/14).

В отдельных постановлениях ЕСПЧ затрагиваются проблемы, связанные с условиями содержания лиц, задержанных за административные правонарушения. Примером может служить постановление от 3 ноября 2011 г. по делу «Александра Дмитриева против Российской Федерации» (жалоба № 9390/05)¹. Заявительница утверждала, что она провела примерно 20 часов в камере для административно задержанных лиц в РОВД. Она не получала питания, не пользовалась медицинской помощью и не имела возможности спать, поскольку отсутствовали кровать или постельные принадлежности. Суд констатировал нарушение статьи 3 Конвенции, указав на то, что в условиях наличия у заявительницы серьезного заболевания следственные органы не должны были игнорировать ее жалобы на условия содержания.

Отдельные нарушения были установлены ЕСПЧ в рамках дел, которые затрагивали вопросы неудовлетворительных условий при транспортировке подозреваемых и обвиняемых. Одним из примеров дел, которые демонстрируют нарушение статьи 3 Конвенции в части неудовлетворительных условий при транспортировке является поста-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 ноября 2011 г. по делу «Александра Дмитриева против Российской Федерации» (жалоба № 9390/05) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-107196> (дата обращения: 24 мая 2018 г.).

новление ЕСПЧ от 30 марта 2017 г. по делу «Кавалеров и другие против России» (жалоба № 55477/10)¹. В данное дело были объединены жалобы нескольких лиц, которые обжаловали условия их транспортировки различными видами транспортных средств, а также содержания их в транзитных камерах.

ЕСПЧ постановил, что объединенные жалобы составляют нарушение статьи 3 Конвенции в связи с ненадлежащими условиями содержания заявителей при их транспортировке. Объединению данных жалоб в одно дело способствовали ряд фактов и нарушений, которые неизменно повторялись в жалобах от лиц, не связанных между собой интересами, местом транспортировки, а также иными связями.

Конкретные нарушения, установленные ЕСПЧ в данном деле, сводятся к следующим фактам, которые Суд посчитал доказанными:

- отсутствие в транспортных средствах, в которых перевозились люди, окон; нехватка свежего воздуха и естественного света, отсутствие вентиляции; отсутствие пищи и воды, а также невозможность пользоваться туалетом;

- непредоставление сезонной одежды в условиях крайнего холода (минус 43 градуса по Цельсию) и перевозка в таких условиях в наручниках, которые леденили кожу из-за холодной погоды;

- переполненность транспортного средства, а также недостаточное количество спальных мест при длительной транспортировке.

- В рассматриваемом деле также были установлены факты, затрагивающие период времени после транспортировки и содержание под стражей. Здесь ЕСПЧ также установил нарушения, которые выразились в том, что:

- имела место переполненность камер: в камере, рассчитанной на 2 заключенных, содержалось 15 человек, постоянно присутствовал тусклый электрический свет, в туалете отсутствовала вода, не было постельных принадлежностей и постельного белья;

- непредоставление пищи, отсутствие возможности пользования туалетом, невозможность уснуть;

- содержание здоровых заключенных с больными, в частности с лицами, зараженными туберкулезом в открытой форме.

Перечисленные нарушения и проблемы, с которыми сталкиваются подозреваемые и обвиняемые в России, являются повторяющимися и

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 марта 2017 г. по делу «Кавалеров и другие против России» (жалоба № 55477/10) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-173388> (дата обращения: 24 мая 2018 г.).

типичными. ЕСПЧ неоднократно указывал на наличие системной проблемы не в законодательстве, а в правоприменении, когда положения действующих и вполне отвечающих стандартам Совета Европы норм на практике не всегда реализуются. В связи с этим ЕСПЧ подтвердил позицию, в соответствии с которой *«...чрезмерное ограничение пространства в тюремной камере является существенным фактором, который необходимо принимать во внимание при установлении того, являются ли оспариваемые условия содержания под стражей «унижающими достоинство» в значении статьи 3 и составляют ли нарушение как по отдельности, так и в совокупности с другими недостатками»* (пункт 7 постановления ЕСПЧ от 30 марта 2017 г. по делу «Кавалеров и другие против России» (жалоба № 55477/10)).

При рассмотрении вопроса о соответствии условий перевозки в одиночных камерах транспортных средств Европейский Суд учитывает выводы Европейского комитета по предупреждению пыток о том, что одиночные отделения площадью 0,4; 0,5 и даже 0,8 кв. м непригодны для перевозки человека, независимо от продолжительности поездки (пункты 116 и 117 постановления ЕСПЧ от 8 ноября 2005 г. по делу «Худоеров против Российской Федерации» (жалоба № 6847/02)).

Похожие правовые позиции по вопросам условий перевозки подозреваемых и обвиняемых были высказаны Европейским Судом в постановлениях от 4 октября 2016 г. «Ярослав Белоусов против Российской Федерации» (жалоба № 2653/13), от 7 февраля 2017 г. по делу «Сайеров против Российской Федерации» (жалоба № 33071/12), от 12 октября 2017 г. по делу «Мулюков и другие против России» (жалобы № 31044/08 и 9 другим жалобам), от 25 октября 2017 г. по делу «Эскерханов и другие против России» (жалоба № 18496/16 и 2 другим жалобам), от 20 декабря 2016 г. по делу «Раджаб Магомедов против Российской Федерации» (жалоба № 20933/08).

Ряд правовых позиций Верховного Суда РФ затрагивают отдельные вопросы условий в местах принудительного содержания. Такие позиции выражены в основном в постановлениях и определениях, на основе которых Верховный Суд РФ отменяет или направляет на новое рассмотрение дела по вновь открывшимся обстоятельствам на основе решений ЕСПЧ. Наиболее общие консолидированные позиции отражают процессуальный порядок обжалования условий содержания под стражей. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике при-

менения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»¹ отмечается, что *в том случае, когда при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания... подозреваемый или обвиняемый заявляет о ненадлежащих условиях содержания, лицу следует разъяснить, что жалобы на условия содержания рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства* (пункт 26).

Анализ показывает, что применительно к жалобам на ненадлежащие условия содержания в изоляторах временного содержания, в специальных помещениях для лиц, задержанных за административные правонарушения, а также при их транспортировке ЕСПЧ устанавливает, как правило, нарушение статьи 3 Конвенции в различных аспектах: в отдельных случаях это пытки (редко) и обращение, унижающее достоинство (часто). При этом основными фактами, которые служат основанием для вынесения соответствующих постановлений, становятся следующее:

1) в отношении нарушений на условия содержания в ИВС и помещениях для содержания административно задержанных лиц:

- непредоставление или несвоевременное предоставление еды, постельных принадлежностей;

- невозможность отправлять естественные потребности в ситуации уединения;

- невозможность заснуть вследствие присутствия постоянного освещения;

- размещение заключенных в помещениях, которые рассчитаны на значительно меньшее количество людей;

2) в отношении нарушений на условия транспортировки подозреваемых и обвиняемых:

- переполненность, перевозка в одиночных камерах площадью от 0,4 до 0,8 кв. м;

- непригодность транспортных средств для перемещения людей ввиду отсутствия вентиляции, температурного режима и элементарных гигиенических условий;

- недопустимые действия сопровождающих сотрудников в удовлетворении естественных потребностей человека.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. – 2013. – № 294.

2.2. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на жестокое обращение со стороны сотрудников органов внутренних дел

Жестокое обращение с подозреваемыми и обвиняемыми, и неудовлетворительные условия их содержания становятся частой тематикой деятельности ЕСПЧ в жалобах, подаваемых против Российской Федерации. И в том и другом случае квалификация нарушений, в соответствии с Конвенцией, сводится к статье 3 или к статье 13 Конвенции, которые предусматривают право на эффективное средство правовой защиты. Последнее имеет место в том случае, когда по материалам дела усматривается, что органы государственной власти, которые должны осуществлять преследование за жестокое обращение, отказывают в возбуждении уголовных дел, необоснованно прекращают или приостанавливают их.

Как правило, заявители в жалобах указывают на связь между неудовлетворительными условиями содержания и жестоким обращением. Но ряд дел такой связи не имеет. Поэтому их следует рассматривать как две самостоятельные категории жалоб.

В большинстве дел ЕСПЧ устанавливает не системные проблемы в действующем законодательстве Российской Федерации, а в правоприменении и эксцессах, виновниками которых становятся отдельные сотрудники правоохранительных органов. При этом особое значение Суд уделяет контролю за действиями сотрудников правоохранительных органов. В ряде дел он установил нарушения именно по этой причине. Отсутствие должного контроля, наказания за деяния, привлечения к ответственности лиц, виновных в жестокое обращение с подозреваемыми и обвиняемыми – все это ложится в основу многих постановлений по данной тематике.

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения прав человека в контексте жестокого обращения со стороны сотрудников органов внутренних дел, то они квалифицируются по: статье 3 (Запрещение пыток) Конвенции; статье 13 (Право на эффективное средство правовой защиты) Конвенции.

Рассмотрим отдельные постановления ЕСПЧ, которые были связаны с жестоким обращением со стороны сотрудников органов внутренних дел.

В постановлении ЕСПЧ от 10 января 2017 г. по делу «Лавейкин против России» (жалоба № 10727/07)¹ рассматривалась жалоба на избиения, которым подвергся заявитель со стороны сотрудников милиции при задержании и нахождении в ИВС. Обстоятельства сводились к следующему:

25 августа 2006 года Советский районный суд г. Омска вынес постановление о заключении заявителя под стражу. В тот же день его осмотрел медицинский эксперт; он констатировал наличие двух ссадин на лбу, которые могли быть нанесены твердым тупым предметом за четыре-шесть дней до освидетельствования;

28 декабря 2006 года заявитель был признан виновным в убийстве и приговорен к девяти годам лишения свободы в колонии строгого режима;

21 января 2007 года заявитель обратился к прокурору с требованием провести расследование по его жалобе на избиение сотрудниками милиции после его задержания;

1 марта 2008 года прокурор отказал в возбуждении уголовного дела; на следующий день решение было отменено, и было вынесено постановление о проведении дополнительной проверки.

С этого момента следственные органы вынесли не менее восьми постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по факту предполагаемого жестокого обращения, которые неоднократно отменялись. Ссылаясь на показания трех сотрудников милиции и следователя, которые отрицали какое-либо жестокое обращение или запугивание, в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 31 декабря 2009 года установлено, что утверждения заявителя были необоснованными, поскольку согласно выводам эксперта травмы заявителем были получены не позднее 21 августа, то есть за три дня до его задержания. 28 июля 2015 года прокурор Советского района г. Омска отменил постановление от 31 декабря 2009 года и вынес постановление о проведении дополнительной проверки, которая должна была установить, был ли заявитель доставлен в отделение внутренних дел уже 20 августа 2006 года, и дежурил ли в тот день конкретный сотрудник полиции, описанный заявителем.

В данном деле ЕСПЧ, установив факт нарушения статьи 3 Конвенции 1950 г., указал на следующие обстоятельства:

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 января 2017 г. по делу «Лавейкин против России» (жалоба № 10727/07) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170028> (дата обращения: 20 июня 2018 г.).

– «национальные органы власти были обязаны провести эффективное расследование, удовлетворяющее требованиям статьи 3 Конвенции;

– в отношении дел по обоснованным жалобам на обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции, проведения одной доследственной проверки недостаточно для соблюдения требований об эффективном расследовании в соответствии со статьей 3 Конвенции; органы власти должны были возбудить уголовное дело и провести соответствующее расследование» (пункты 16, 19 и 20 постановления ЕСПЧ от 10 января 2017 г. по делу «Лавейкин против России» (жалоба № 10727/07)).

Также типичным делом, в котором рассматриваются вопросы жестокого обращения с подозреваемыми и обвиняемыми, является постановление ЕСПЧ от 17 октября 2016 г. по делу «Некрасов против России» (жалоба № 8049/07)¹. Заявитель жаловался на то, что сотрудники милиции жестоко с ним обращались с 17 по 23 ноября 2004 года и по этому факту не было проведено эффективного расследования. Также в жалобе утверждалось, что его содержание под стражей до суда было незаконным и необоснованным. Кроме того, заявитель указывал, что ему не было предоставлено достаточно времени для ознакомления с материалами дела – тем самым он был лишен права на справедливое судебное разбирательство. Обстоятельства дела сводятся к следующему:

17 ноября 2004 года заявитель был насильно увезен предположительно сотрудниками милиции; согласно его утверждениям задержанного сначала доставили в здание Управления по борьбе с организованной преступностью при Главном управлении внутренних дел по Тюменской области, а впоследствии в отдельный коттедж, где он подвергался различным формам жестокого обращения до 23 ноября 2004 года; заявителя заставляли садиться на шпагат, душили полиэтиленовым пакетом, ему на голову клали книгу и били деревянным молотком, причиняя тем самым травму головы, ему выкручивали в растяжку руки и ничего не давали есть;

только 23 ноября 2004 года заявитель был официально задержан и доставлен в здание Управления по борьбе с организованной преступностью при Главном управлении внутренних дел по Тюменской области для допроса и позже был помещен в ИВС; он был осмотрен фельдшером: у него были обнаружены обширные кровоподтеки на

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 октября 2016 г. по делу «Некрасов против России» (жалоба № 8049/07) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-162860> (дата обращения: 20 июня 2018 г.).

обоих бедрах, ссадины в области переносицы и ограниченная подвижность левой руки и обеих ног;

25 ноября 2004 года заявитель был заключен под стражу в следственный изолятор, где в результате медицинского осмотра телесные повреждения были подтверждены; позднее заявитель проходил лечение своих травм в больнице;

27 апреля 2005 года следователь по ходатайству заключенного назначил комиссию для проведения судебно-медицинского обследования заявителя, которая подтвердила факты внешнего воздействия, вследствие которого лицо может передвигаться только с помощью других людей;

с 30 декабря 2004 года по 19 июля 2007 года следователь прокуратуры Центрального района г. Тюмени вынес как минимум семь постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции или каких-либо других лиц по фактам предположительно жестокого обращения с заявителем; все эти постановления, за исключением последнего постановления от 19 июля 2007 г., впоследствии были отменены заместителем прокурора Центрального района г. Тюмени как необоснованные и были назначены дополнительные проверки заявления о преступлении.

В обоснование нарушения в данном деле Российской Федерацией статьи 3 Конвенции Европейский Суд сформулировал следующие позиции:

- в тех случаях, когда гражданин заявляет обоснованную жалобу о жестоком обращении, включая жестокое обращение со стороны частных лиц, статья 3 Конвенции порождает процессуальное обязательство государства провести независимое официальное расследование;

- чтобы расследование считалось «эффективным» оно должно в принципе приводить к установлению фактов дела и, если утверждения подтверждаются, к установлению и наказанию виновных; это не должно рассматриваться как обязательство результата, а как обязательство используемых средств; власти должны принимать разумные меры для обеспечения доказательств инцидента, включая, в частности, свидетельские показания, вещественные доказательства. Любой недостаток в расследовании, который подрывает его способность установить причину телесных повреждений или личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта, что в данном контексте подразумевает выполнение требования разумной оперативности;

- отказ в возбуждении уголовного дела в связи с заслуживающими доверия утверждениями заявителя о получении серьезных травм в ре-

зультате предполагаемого жестокого обращения в период с 17 по 23 ноября 2004 г. приравнивается к отказу провести эффективное расследование, требуемое статьей 13 Конвенции (пункты 83, 84 Постановления ЕСПЧ от 17 октября 2016 г. по делу «Некрасов против России» (жалоба № 8049/07)).

Аналогичные или схожие правовые позиции ЕСПЧ высказывал в постановлениях от 5 января 2016 г. по делу «Миникаев против Российской Федерации» (жалоба № 630/08; вступило в силу 5 апреля 2016 г.), от 9 февраля 2016 г. по делу «Шлычков против Российской Федерации» (жалоба № 40852/05; вступило в силу 9 мая 2016 г.), от 23 февраля 2016 г. по делу «Александр Андреев против Российской Федерации» (жалоба № 2281/06), от 9 февраля 2016 г. по делу «Зиновчик против Российской Федерации» (жалоба № 27217/06; вступило в силу 9 мая 2016 г.), от 17 января 2017 г. по делу «Барахоев против Российской Федерации» (жалоба № 8516/08), от 2 мая 2017 г. по делу «Ситников против Российской Федерации» (жалоба № 14769/09), от 2 мая 2017 г. по делу «Олисов и другие против Российской Федерации» (жалоба № 10825/09 и 2 другие), от 3 октября 2017 г. по делу «Шевцова против Российской Федерации» (жалоба № 36620/07), от 19 декабря 2017 г. по делу «Хайруллина против Российской Федерации» (жалоба № 29729/09).

Таким образом, правовые позиции Европейского Суда по жалобам на жестокое обращение со стороны сотрудников органов внутренних дел имеют материальную и процессуальную составляющую. Первая связана с квалификацией конкретных действий представителей власти как жестоких, не соответствующих требованиям статьи 3 Конвенции.

Процессуальный аспект выражается в том, что расследование по заявлениям о жестоком обращении либо не проводится вообще, либо многократно прекращается и возобновляется, что не способствует установлению истины и нарушает статью 13 Конвенции. Суд неоднократно отмечал в постановлениях по делам против России, что государственные органы, полномочные и обязанные проводить эффективное расследование фактов жестокого обращения, игнорировали поступавшие сообщения или относились к ним поверхностно. В этом случае ЕСПЧ усматривает нарушение прав, подозреваемых и обвиняемых в отсутствии должных мер со стороны уполномоченных органов по пресечению фактов жестокого обращения и их расследованию.

2.3. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека в отношении нарушений при задержании

Среди жалоб, затрагивающих деятельность МВД России, одними из наиболее распространенных являются жалобы на незаконность задержания.

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения прав человека при задержании, то они квалифицируются по статье 5 (Право на свободу и личную неприкосновенность) Конвенции:

- по пункту b) части 1 – правомерность задержания за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

- по пункту c) части 1 – законность задержания лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

- по пункту f) части 1 – задержание лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну;

- по части 4 – право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности заключения под стражу и на освобождение.

Также в отдельных постановлениях ЕСПЧ имели случаи квалификации нарушения по статье 2 (Право на жизнь) Конвенции. В частности, данная квалификация была применена в постановлении ЕСПЧ от 16 января 2014 г. по делу «Щиборщ и Кузьмина против России» (жалоба № 5269/08).

Типичные нарушения по статье 5 Конвенции:

1. Процессуальные неточности и несоответствие процессуальных документов фактическим обстоятельствам дела. Данная категория нарушений характеризуется тем, что сотрудники правоохранительных органов, осуществляющие задержание, умышленно или вследствие халатности не составляют соответствующих документов, предусмотримых процессуальным законодательством по административным и уголовным делам, лишая тем самым задерживаемого отдельных юридических гарантий права на защиту и оспаривание действий сотрудников правоохранительных органов. В практике ЕСПЧ данная категория нарушений именуется термином «неучтенные задержания».

Характерным примером является постановления ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу «Александр Соколов против России» (жалоба № 20364/05)¹:

– в феврале 2004 года заявитель был задержан на дому и доставлен в отделение милиции по подозрению в совершении преступления, где, по его утверждению, он был подвергнут избиению (впоследствии факт подтвердился, что дало основание ЕСПЧ провести дополнительную квалификацию);

– был помещен в камеру, однако, никакого постановления о задержании не составлялось и его имя не было внесено в журнал поступивших лиц, заключенных под стражу (таким образом, правовые основания его заключения под стражу отсутствовали);

– единственный протокол задержания, представленный ЕСПЧ, указывает на то, что заявитель более суток содержался в ИВС без соответствующего оформления документов.

В рамках данного дела ЕСПЧ сформулировал позицию, в соответствии с которой «неучтенное содержание под стражей лица является абсолютным отрицанием основополагающих гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и представляет собой одно из самых существенных нарушений данной статьи. Отсутствие регистрации таких фактов, как дата, время и место заключения под стражу, имя задержанного и основания задержания, а также имя лица, осуществившего задержание, является несовместимым с требованием законности и самой сутью статьи 5 Конвенции» (пункт 71 постановления ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу «Александр Соколов против России» (жалоба № 20364/05)).

2. Отсутствие обоснованных причин для задержания

В некоторых случаях ЕСПЧ, вынося положительное решение по жалобе, опирался не только на неточность или несвоевременность составления процессуальных документов (которые имели место), но и констатировал, что существенных оснований для задержания не было как в соответствии с национальным законодательством, так и с нормами Конвенции 1950 г. В данном случае ЕСПЧ принимает во внимание как действия задержанного до его фактического лишения свободы, так и действия сотрудников правоохранительных органов, которые последовали после. Также Суд учитывал обстоятельства, при ко-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. по делу «Александр Соколов против Российской Федерации» (жалоба № 20364/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 1.

торых произошло задержание: имелась ли объективная угроза общественному порядку и безопасности.

Характерным примером является постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2014 г. по делу «Навальный и Яшин против России» (жалоба № 76204/11)¹:

– заявители были задержаны после их участия в санкционированном митинге; заявители утверждали, что были задержаны на пути к автомобилю и что они не оказывали сопротивления сотрудникам полиции;

– власти Российской Федерации указывали, один из заявителей призвал участников митинга проследовать по несогласованному маршруту, участники шествия выкрикивали лозунги, препятствовали дорожному движению, игнорировали неоднократные требования сотрудников полиции остановиться;

– заявителей перевозили на протяжении ночи между тремя отделами внутренних дел, прежде чем привезти в суд на следующий день. По словам заявителей, во время перевозки им не предоставляли пищи, во время нахождения в отделах внутренних дел в камерах не было санитарно-технического оборудования, кроватей и постельных принадлежностей;

– ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, заявители утверждали, что их задержание и содержание под стражей были произвольными и незаконными.

При рассмотрении данной жалобы ЕСПЧ обратил внимание на то, что задержание было произведено уже после окончания мероприятия; задержанные не предпринимали никаких физических действий, препятствовавших нарушению общественного порядка; основанием задержания были высказывания, а не действия; задержанных многократно перевозили с места на место; не были соблюдены требования российского законодательства о процессуальном оформлении задержания.

Вынесенное ЕСПЧ решение об удовлетворении жалобы основано на следующих правовых позициях:

– *доставление заявителей в отдел внутренних дел не было строго необходимо в имевшихся обстоятельствах. Статья 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях²*

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2014 г. по делу «Навальный и Яшин против России» (жалоба № 76204/11) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-148286> (дата обращения: 24 июня 2018 г.).

² Далее – «КоАП РФ».

прямо исключает время доставления лиц из срока последующего административного задержания. В то же время законодательство не рассматривает доставление лиц как часть административного задержания, оно не предусматривает срок самого доставления, якобы потому что он не может быть существенным. Длительность административного задержания, как правило, не должна превышать трех часов, периода времени, предусмотренного законодательством, который считается разумным и достаточным для составления протокола для административного правонарушения;

– после задержания заявителей последовательно доставляли в три разных отдела внутренних дел и только в третьем были составлены протоколы об административных правонарушениях в 2 ч. 30 мин. Согласно пункту 4 статьи 27.5 КоАП РФ срок административного задержания исчисляется с момента, когда подозреваемый доставляется в отдел внутренних дел. Доставка заявителей было завершено в 21 ч. 40 мин., т. е. в момент доставления в первый из отделов (пункты 93, 96 Постановления ЕСПЧ от 4 декабря 2014 г. по делу «Навальный и Яшин против России» (жалоба № 76204/11)).

В отдельных случаях наиболее объективные факты нарушений, связанных с задержаниями, признаются национальными властями с присуждением выплаты соответствующих компенсаций морального вреда и привлечением к ответственности виновных. В этом случае ЕСПЧ констатирует, что оснований для признания жалобы приемлемой в соответствующей части нет.

Также характерным в данном случае можно считать постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2015 г. по делу «Раззаков против России» (жалоба № 57519/09)¹:

– заявитель был доставлен сотрудниками в ОВД г. Воронежа, где подвергся изощренным пыткам со стороны сотрудников милиции (позднее судебно-медицинская экспертиза подтвердила факты травм и увечий, нанесенных сотрудниками ОВД);

– от заявителя требовали сознаться в совершении преступления;

– после двух дней содержания в камере без регистрации и оформления процессуальных документов заявитель был отпущен; уголовное дело не возбуждалось.

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2015 г. по делу «Раззаков против России» (жалоба № 57519/09) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-150790> (дата обращения: 16.07.2018).

В данном деле в результате многочисленных попыток удалось возбудить уголовное дело по факту превышения должностных полномочий сотрудниками ОВД, которое впоследствии было приостановлено в связи с неустановлением лиц, причастных к совершению преступления.

Вместе с тем в рамках гражданского судопроизводства заявителю удалось добиться признания факта причинения вреда здоровью, в результате чего российский суд присудил компенсацию в размере 840 тыс. руб. ЕСПЧ указал, что считает в этом случае жалобу в части компенсации неприемлемой, поскольку российские власти, несмотря на то, что не привлекли к ответственности лиц, виновных в пытках, незарегистрированном и необоснованном задержании, компенсировали моральный вред в достаточном объеме. При этом Суд признал, что действия властей будут в полной мере соответствовать положениям Конвенции только в случае достижения двух целей – привлечения виновных к ответственности и выплаты компенсации.

3. Причинение вреда здоровью или смерти задерживаемому лицу, а также иным лицам

В практике ЕСПЧ встречаются дела, где заявители утверждают, что в результате задержания сотрудниками правоохранительных органов был причинен чрезмерный вред жизни или здоровью. В связи с этим нередко в жалобах в качестве применимой нормы указывается не статья 5 (Право на свободу и личную неприкосновенность) Конвенции, а статья 2 (Право на жизнь) или статья 3 (Защита от пыток, унижающего достоинство обращения или наказания) Конвенции. Однако контекст таких жалоб – задержание – позволяет рассматривать данную категорию дел в рамках настоящего раздела.

В большинстве подобных дел ЕСПЧ придерживается позиции, в соответствии с которой у властей есть безусловное право на причинение вреда задерживаемому лицу, если оно оказывает сопротивление (особенно вооруженное), пытается скрыться или его действия угрожают третьим лицам. Однако ряд правовых позиций отражают иной взгляд на проблему причинения вреда при задержании. Они основаны на анализе:

- соразмерности применения силы;
- обстоятельств, предшествовавших задержанию;
- личности задерживаемого;
- исчерпанности всех доступных средств для задержания без причинения вреда.

Характерным примером является постановление ЕСПЧ от 16 января 2014 г. по делу «Щиборщ и Кузьмина против России» (жалоба № 5269/08)¹:

- в ОВД Нагатинский затон (Москва) пришел заявитель, чтобы попросить помощи: его сын, страдавший душевным заболеванием, отказывался добровольно отправиться в лечебницу;

- полиция согласилась помочь, но операция по приводу превратилась в операцию по задержанию, поскольку больной встретил прибывших с ножом в руках, забаррикадировался на кухне и оказывал активное сопротивление;

- долгие уговоры не помогли, и прибывший ОМОН взял кухню штурмом, в результате чего больной оказался на полу в луже крови. Через несколько часов он умер в больнице, не приходя в сознание;

- уголовное дело по требованию отца в отношении сотрудников ОМОН, допустивших чрезмерное применение силы, было возбуждено лишь со второй попытки – прокуратура не находила в действиях сотрудников состава преступления. Расследование семь раз останавливалось, затем возобновлялось и было закрыто окончательно через 4 года.

В данном деле заявители считали, что именно государство ответственно за смерть их сына. Во время операции, по их мнению, никто не пытался снизить риск для задерживаемого, например, не рассматривалась возможность использовать слезоточивый газ. Само решение о проведении штурма кухни было, по мнению заявителей, незаконным, применение силы непропорциональным, а участвовали в ней люди, не имевшие соответствующего опыта; при этом милиция не стала дожидаться прибытия психиатрической помощи.

Расследование событий, по мнению заявителей, было проведено неадекватно: дело возбуждено почти месяц спустя, расследование многократно приостанавливалось, не были проведены ключевые следственные мероприятия, и не был исследован вопрос, почему милиция не дождалась психиатров. В основу следствия легли показания сотрудников милиции, и само оно продлилось необоснованно долго – почти четыре года. Наконец, заявители утверждали, что не имели доступа к средствам правовой защиты и реальной возможности получить компенсацию в рамках гражданского дела.

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 января 2014 г. по делу «Щиборщ и Кузьмина против России» (жалоба № 5269/08) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-140013> (дата обращения: 24 июня 2018 г.).

Представители Российской Федерации считали применение силы обоснованным, потому что задерживаемый представлял опасность для себя и окружающих, повреждения он получил из-за собственных действий, а смерть стала лишь непредвиденным результатом.

В данном деле ЕСПЧ определил, что применение спецсредств было необоснованным, и милиция вообще не должна была начинать операцию без медиков. Это была не первая принудительная госпитализация, которой Кирилл оказывал сопротивление, так что его поведение можно было предсказать. Кроме того, ЕСПЧ обратил внимание, что следствие вообще не рассматривало вопрос о планировании и управлении операцией, что, с точки зрения суда, было одним из ключевых вопросов. Официальная правовая позиция сводится к следующему: *«Следственные органы не рассмотрели вопрос о планировании и контроле операции. В частности, они не исследовали вопрос, почему сотрудники милиции действовали по собственной инициативе в отсутствие квалифицированного медицинского персонала, что противоречит Закону о психиатрической помощи и Инструкции о сотрудничестве между службами здравоохранения и органами внутренних дел по профилактике общественно опасных действий со стороны лиц, страдающих психическими расстройствами. Хотя следствие оценило применение силы и специальных средств, но, в частности, являясь сотрудниками милиции, следственные органы рассмотрели ситуацию, как если бы она касалась вооруженного преступника, без учета психического состояния г-на Щиборца. Кроме того, следственные органы не дали оценки того, каким образом было принято решение штурмовать квартиру»* (пункт 258 Постановления ЕСПЧ от 16 января 2014 г. по делу «Щиборщ и Кузьмина против России» (жалоба № 5269/08).

Аналогичные или схожие правовые позиции по вопросам нарушений при задержании ЕСПЧ высказывал в таких делах как «Федотов против России» от 20 октября 2005 г. (жалоба № 5140/02), «Бирулев и Шишкин против России» от 14 июня 2016 г. (жалобы № 35919/05 и 3346/06; вступило в силу 14 сентября 2016 г.), «Попов против России» от 19 июля 2016 г. (жалоба № 32013/07).

Таким образом, в делах, касающихся вопросов задержания, ЕСПЧ рассматривал различные спорные ситуации, в которых основными проблемами являются их необоснованность в контексте внутригосударственных норм, отсутствие документального подтверждения ограничения свободы, а также применение силы при задержании. Во всех случаях ЕСПЧ исходит из того, что каждое задержание должно быть

задокументировано. Кроме того, при его проведении следует объективно оценивать вред, который может быть причинен задерживаемому лицу, и следовать в соответствии с инструкциями, в том числе и других органов власти. Также потребность в задержании должна объективно отражать степень общественной опасности действий, которые предпринимает задерживаемое лицо.

2.4. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушения в центрах временного содержания иностранных граждан, организации их административного выдворения, депортации и экстрадиции

В последние несколько десятилетий мобильность населения во всем мире чрезвычайно возросла. Трансграничные перемещения людей вызваны различными факторами, среди которых – опасения за свою жизнь и свободу вследствие преследований, вооруженные и межнациональные конфликты, поиск лучшего варианта трудоустройства, желание натурализоваться, туристические цели и др. Открытость коммуникаций между людьми, развитие транспорта и объективные потребности социально-экономического развития обуславливают поощрение со стороны большинства государств существующих миграционных процессов. Вместе с тем наряду с положительным эффектом от мобильности населения имеются и отрицательные стороны данного явления. К таковым, в частности, относится нелегальная миграция, последствиями которой может стать как социальная напряженность в принимающей стране, так и экономические, криминогенные и иные проблемы. Вследствие этого государства предпринимают активные усилия по пресечению незаконного въезда и пребывания, а также по привлечению к ответственности и выдворению лиц, у которых отсутствуют законные основания для нахождения на соответствующей территории.

Выдворение и депортация незаконных мигрантов является одной из наиболее распространенных мер, к которым прибегают принимающие государства. Этими действиями не только обеспечивается режим законности пребывания, но и устраняются возможные угрозы, исходящие от таких мигрантов. Однако проблема законности въезда и пребывания, а также депортации, наталкивается на проблему обеспечения прав самих выдворяемых и депортируемых лиц. Несмотря на то, что их миграционное поведение является незаконным, они продолжают обладать основными правами, гарантированными как национальным законодательством, так и нормами международного пра-

ва. Государства обязаны соблюдать эти права даже в отношении незаконных мигрантов, что происходит не всегда. Поэтому в практике ЕСПЧ с устойчивым постоянством появляются постановления, связанные с жалобами либо на незаконную, по мнению заявителей, депортацию (или выдворение), либо на нарушение основных прав, гарантированных Конвенцией 1950 г. и Протоколами к ней. Также Суд неоднократно рассматривал жалобы на экстрадицию (выдачу) лица для привлечения к уголовной ответственности за рубежом.

Анализ практики ЕСПЧ по делам, затрагивающим вопросы миграции, показывает, что установленные или заявленные нарушения затрагивают как права, закрепленные непосредственно в тексте Конвенции, так и в отдельных Протоколах к ней

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения прав человека при выдворении, высылке или выдаче человека для уголовного преследования, то они квалифицируются по:

статье 2 (Право на жизнь – в контексте высылки в страну, где в отношении заявителя может быть применена смертная казнь) Конвенции;

статье 3 (Запрет пыток) Конвенции;

статье 5 (Право на свободу и личную неприкосновенность) Конвенции;

статье 8 (Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции) Конвенции;

статье 1 (в части процедурных гарантий в случае высылки иностранцев) Протокола № 7 к Конвенции.

Наиболее типичными ситуациями, которые становились в разное время предметом судебной оценки со стороны ЕСПЧ, являются:

1) порядок помещения иностранного гражданина в центр для содержания иностранных граждан, условия и продолжительность нахождения в нем (постановление ЕСПЧ от 17 июля 2014 г. по делу «Ким против России» (жалоба № 44260/13);

2) высылка иностранного гражданина в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства, либо общественного порядка, либо защиты здоровья населения (постановление ЕСПЧ от 27 ноября 2017 г. по делу «M.S.A. и другие против России» (жалобы № 29957/14, 29957/14, 29961/14, 53980/15, 10583/16, 10796/16, 10803/16, 19980/16, 35675/16 и 38237/16);

3) невозможность иностранного гражданина воссоединиться с семьей (постановление ЕСПЧ от 25 октября 2016 г. по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15);

4) выдача иностранного гражданина для привлечения к ответственности на территории иностранного государства при наличии угрозы жестокого обращения с ним в случае перемещения (постановление ЕСПЧ от 29 октября 2015 г. по делу «А.Л. против России» (жалоба № 44095/14)).

Рассмотрим правовые позиции ЕСПЧ по отдельным делам, где нашли отражение некоторые из указанных выше аспектов.

В деле «А.Л. против России», по которому было вынесено постановление ЕСПЧ 29 октября 2015 г. (вступило в силу 29 января 2016 г.)¹, заявитель указывал на два нарушения: условия содержания в центре временного содержания иностранных граждан и угрозу применения смертной казни в случае выдачи.

Заявитель был женат на гражданке Российской Федерации, у него не было несовершеннолетних детей, живущих в России. Он одновременно имел два гражданства – Китая, и России. Заявитель разыскивался властями Китая по подозрению в совершении убийства. Властями Российской Федерации данное лицо было признано гражданином Китая, и констатировано, что он находился в России незаконно, не имея действующей визы или вида на жительство. Заявителя задержали, и суд постановил заключить его под стражу до получения от правоохранительных органов Китая официального ходатайства об экстрадиции. Заявитель в жалобе утверждал, что в случае его насильственного возвращения в Китай он столкнется с опасностью вынесения смертного приговора и приведения его в исполнение. Однако в 30-дневный срок, предусмотренный в двустороннем российско-китайском соглашении об экстрадиции, официальное ходатайство о выдаче со стороны Китая не поступило. Прокурор распорядился освободить заявителя и одновременно начать процедуру его выдворения, поскольку данное лицо находилось в России незаконно. В течение некоторого времени в результате обжалования постановление о привлечении к административной ответственности было сначала отменено, а потом оставлено в силе. При этом заявитель был извещен о признании его пребывания на территории России нежелательным и решении о его выдворении на данном основании. Он был помещен в одиночную камеру в центре временного содержания иностранных граждан и утверждал, что содержался постоянно в наручниках, в антисанитарных

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 октября 2015 г. по делу «А.Л. против России» (жалоба № 44095/14) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158148> (дата обращения: 12 июня 2018 г.).

условиях, без возможности общаться с другими лицами, а также в условиях существенных ограничений на встречи с супругой.

По мнению заявителя, в отношении него Российской Федерацией были нарушены статьи 2, 3 Конвенции; статья 1 Протокола № 6, а также статья 1 Протокола № 13 к Конвенции.

ЕСПЧ в постановлении по данному делу указал на несколько аспектов.

Во-первых, констатировано, что ни в российских судах, ни в ЕСПЧ не было представлено какого-либо обоснования помещения заявителя в одиночную камеру. Ни разу не было заявлено о том, что он нарушал правила распорядка, что его поведение было опасным, что он угрожал другим заключенным или сотрудникам центра или нападал на них, а также что он сам был жертвой угроз или насилия. Таким образом, указал ЕСПЧ, содержание заявителя в одиночной камере может быть приравнено к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

Во-вторых, в контексте угрозы применения смертной казни к заявителю в случае его выдачи правоохрнительным органам Китая, Суд указал на однозначное обязательство России перед Советом Европы отменить смертную казнь, частично выполненное путем введения изначально фактического моратория, который впоследствии был подтвержден Конституционным Судом Российской Федерации. При этом, вынося решения, российские суды не оценивали опасность подвергнуться смертной казни в случае депортации лица в Китай. Их аргументация относительно того, что распоряжение о запрете въезда в страну, отданное в отношении заявителя, не приведет автоматически к его депортации в Китай и что он может уехать из России в другую страну, несостоятельна. У него был изъят российский паспорт, паспорта гражданина Китая при себе не было, что препятствовало его выезду в третью безопасную страну и вело к депортации именно в Китай. По данному аспекту ЕСПЧ было констатировано нарушение статей 2 и 3 Конвенции (пункты 64 и 78 Постановления ЕСПЧ от 29 октября 2015 г. по делу «А.Л. против России» (жалоба № 44095/14)).

Таким образом, в данном деле ЕСПЧ подтвердил ранее сформулированную в других делах позицию, в соответствии с которой международные обязательства государства об отмене смертной казни должны распространяться, в том числе, и на случаи экстрадиции или депортации лица в страну, где ему может грозить высшая мера наказания. В соответствии с такой позицией, национальные суды и иные

власти государства должны принимать во внимание данное обстоятельство, а также то, может ли лицо, которому предложено добровольно покинуть страну, фактически это сделать.

Правовая позиция ЕСПЧ относительно условий пребывания в центре временного содержания иностранных граждан корреспондирует с правовыми позициями, сформулированными во многих других делах, касающихся условий в местах принудительного содержания. Примечательным является то, что Суд указывает не абстрактно на отсутствие обоснования помещения заявителя в одиночную камеру, а определяет критерии, позволяющие поместить его в такие условия:

- нарушение правил распорядка;
- опасное поведение;
- угрозы другим заключенным или сотрудникам центра временного содержания иностранных граждан;
- нападение на сотрудников центра временного содержания иностранных граждан;
- угроза того, что сам заявитель может стать жертвой угроз или насилия.

Правовые позиции ЕСПЧ по вопросам условий и порядка нахождения лиц в центрах временного содержания иностранных граждан можно проиллюстрировать также на примере дела «Ким против России», постановление по которому было вынесено 17 июля 2014 года¹.

В данном деле заявитель, проживавший в г. Санкт-Петербурге и родившийся в 1962 г. на территории Узбекской ССР в Советском Союзе, не приобрел гражданства какого-либо государства после распада СССР. В 2011 году при проверке документов сотрудниками органов внутренних дел было выяснено их полное отсутствие у данного лица. Заявитель был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 18.8 КоАП РФ (нарушение правил регистрации в России), и ему было назначено административное наказание в виде штрафа и выдворения. Суд постановил, что до этого акта заявитель должен находиться в центре временного содержания иностранных граждан. Уполномоченные органы Российской Федерации стали готовить процедуру выдворения лица в Узбекистан. Однако в ходе разбирательства выяснилось, что заявитель не имеет гражданства этого государства и отсутствуют правовые

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 июля 2014 г. по делу «Ким против России» (жалоба № 44260/13) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145584> (дата обращения: 12 июня 2018 г.).

основания выдворения именно в данную страну. Подготовка к процедуре продолжалась два года. В течение всего этого времени заявитель находился в центре временного содержания иностранных граждан, откуда был освобожден в 2013 году в связи с истечением срока исполнения решения об административном выдворении.

При обращении в ЕСПЧ заявитель указал на неудовлетворительные условия содержания, его продолжительность, а также невозможность эффективно обжаловать действия властей. Суд также рассматривал данное дело с точки зрения двух аспектов: условий пребывания в центре временного содержания иностранных граждан и осуществления судебного контроля за процедурой выдворения.

В постановлении ЕСПЧ в качестве обоснования нарушения ст. 3 Конвенции (признанного Российской Федерацией) указывается, что *«...заявитель провел два года и десять дней в центре для содержания иностранных граждан, оборудованном для краткосрочного содержания под стражей. Это объясняет слабую развитость центра, в камерах которого не было текущей воды и туалетов. Гигиенические приспособления были явно неадекватны по сравнению с количеством содержащихся лиц. Прогулки были нерегулярны и чрезвычайно коротки. Суд ссылается в этой связи на свою хорошо устоявшуюся практику, согласно которой один факт содержания заявителя в течение длительного периода времени в неподготовленной камере, рассчитанной на краткосрочное содержание, достаточен для установления нарушения статьи 3. Вдобавок центр для содержания иностранных граждан был постоянно сильно переполнен».*

Также ЕСПЧ установил в данном деле нарушение статьи 5 Конвенции в части отсутствия эффективного судебного контроля за реализацией процедуры выдворения. Суд указал, что на протяжении двух лет, которые заявитель находился в условиях принудительного содержания, российские судебные власти не принимали во внимание тот факт, что он не является гражданином Узбекистана и не может быть выдворен в данную страну. ЕСПЧ, в частности, сформулировал позицию, в соответствии с которой *«...в течение всего двухлетнего периода времени, когда заявитель находился в заточении, не происходило ни автоматического периодического продления срока содержания заявителя под стражей, никакого-либо его судебного контроля. Попытки заявителя добиться такого контроля также были бесплодны: два районных суда и Санкт-Петербургский городской суд отказались рассмотреть по существу его жалобу на незаконность лишения свободы, установив, что нет необходимости изменить по-*

ложение заявителя либо подвергнуть его судебному контролю в свете новых обстоятельств... Суд подчеркивает, что национальные власти обязаны оценить, существует ли реальная перспектива выдворения и являлось ли лишение свободы с целью выдворения с самого начала обоснованным» (пункт 43 постановления ЕСПЧ от 17 июля 2014 г. по делу «Ким против России» (жалоба № 44260/13)).

Еще одна категория дел, связанных с мигрантами, касается вопросов административного выдворения за пределы Российской Федерации или высылки иностранного гражданина в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства либо общественного порядка.

Так, в постановлении по делу «M.S.A. и другие против России», вступившем в силу 21 ноября 2017 года¹, ЕСПЧ в числе прочих проблем (условия содержания в центре временного содержания иностранных граждан, унижающее достоинство обращение) рассматривал вопросы принудительного возвращения в Сирию двенадцати граждан этой страны, которые легально въехали в Российскую Федерацию, но по истечении установленного времени не выехали из нее. По мнению заявителей, данный акт нарушил бы их права, гарантированные статьями 2 и 3 Конвенции, и что в нарушение статьи 13 Конвенции они не имели в своем распоряжении эффективных средств правовой защиты в отношении этих жалоб. Все заявители пытались получить статус беженца и (или) временное убежище в России. Позднее некоторые заявители добровольно отозвали свои требования, требования других были отклонены.

На момент подачи жалобы часть заявителей получила возможность выехать в третьи страны, власти которых согласились их принять. В отношении одного из них ЕСПЧ посчитал, что не были исчерпаны все национальные средства правовой защиты, и снял жалобу с рассмотрения. Еще один заявитель получил в России убежище. Таким образом, ЕСПЧ указал, что все заявители в той или иной форме получили защиту, которая позволяет им не опасаться за свою жизнь, а, следовательно, их претензии несостоятельны в части статьи 2 Конвенции.

Также заявители жаловались на то, что содержание их под стражей в ходе производства о выдворении было произвольным и продолжительным и что они не имели доступа к эффективному судебному пересмотру содержания их под стражей. Они ссылались на подпункт «f»

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 ноября 2017 г. по делу «M.S.A. и другие против России» (жалоба № 29957/14) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179419> (дата обращения: 21 июня 2018 г.).

пункта 1 статьи 5, а также на пункт 4 статьи 5 Конвенции. Европейский Суд, рассматривая данную претензию, указал, что *«любое лишение свободы в соответствии со второй частью подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции может быть оправданным, но только в ходе производства по делу о депортации или экстрадиции. Если это производство осуществляется без надлежащей оперативности, содержание под стражей перестает быть допустимым с точки зрения подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Чтобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно должно осуществляться добросовестно. При этом оно должно быть тесно связано с теми основаниями для заключения под стражу, на которое ссылались власти; место и условия содержания под стражей должны быть приемлемыми; продолжительность содержания под стражей не должна превышать срок, обоснованно необходимый для достижения преследуемой цели»* (пункт 64 постановления ЕСПЧ от 21 ноября 2017 г. по делу «M.S.A. и другие против России» (жалоба № 29957/14)).

ЕСПЧ в данном деле констатировал, что продолжительность содержания под стражей в делах большинства заявителей, кроме двоих, составляла от одиннадцати до пятнадцати месяцев. В некоторых делах содержание под стражей длилось более двух лет, а для некоторых заявителей оно продолжалось и в момент рассмотрения жалоб. В этой связи ЕСПЧ констатировал, что *«продолжительность содержания под стражей превышала продолжительность, которая разумно требовалась для достижения преследуемой цели»*. На основании этого Суд констатировал, что было допущено нарушение подпункта «f» пункта 1 статьи 5 и пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Таким образом, в данном деле основные нарушения, установленные ЕСПЧ, касались процедурных вопросов содержания в центрах временного содержания иностранных граждан в период производства по делам о высылке. В частности, Суд использует критерий разумности сроков содержания, а также предоставления процессуальных гарантий, в том числе защитника.

В деле «Джураев и Шалкова против России»¹, речь шла о высылке иностранного гражданина в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства либо общественного порядка в соответ-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 октября 2016 г. по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-167804> (дата обращения: 21 июня 2018 г.).

ствии с частью 1 статьи 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»¹.

В 1995 году заявитель, гражданин Таджикистана, переехал в Российскую Федерацию и в 1998 году был приговорен российским судом к восьми годам лишения свободы за незаконный оборот наркотиков (судимость снята в 2011 году). В России им был заключен брак с гражданкой Российской Федерации. В браке родился ребенок. У заявительницы, кроме того, есть еще два ребенка от предыдущего брака. 13 мая 2013 года заявитель покинул Российскую Федерацию, выехав в Таджикистан, а 21 мая 2013 года по возвращении в Россию он был проинформирован о том, что ему не разрешен повторный въезд в страну в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства, либо общественного порядка, либо защиты здоровья населения. Решение о высылке заявителя многократно обжаловали вплоть до Верховного Суда Российской Федерации, который в своем определении оставил в силе судебное решение от 16 мая 2014 года, отметив в общих чертах, что нижестоящий суд надлежащим образом исследовал правовую основу для высылки и что его решение было законным и сбалансировало государственные и частные интересы. В 2015 году заявителю по его просьбе о воссоединении с семьей был предоставлен временный вид на жительство, действительный до 20 марта 2018 года, и он получил возможность снова въехать в Российскую Федерацию.

В своей жалобе в ЕСПЧ заявители утверждали, что постановление о высылке заявителя было основано на нераскрытой информации и нарушило их право на уважение семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции. Они подчеркивали, что не имелось каких-либо фактических оснований для принятия такого решения в отношении заявителя.

Правовая позиция ЕСПЧ в данном деле исходит из того, что *«Конвенция не гарантирует право иностранца на въезд или проживание в определенной стране, и, реализуя свои задачи по поддержанию общественного порядка, Договаривающиеся Стороны имеют право выслать из страны иностранца, осужденного за уголовные правонарушения. Однако их решения в этой сфере, так как они могут создавать препятствия для осуществления права, защищаемого в со-*

¹ Федеральный закон от 15 августа 1996г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996 – № 34, ст. 4029.

ответствии с пунктом 1 статьи 8 Конвенции, должны быть в соответствии с законом и необходимы в демократическом обществе, то есть быть оправданы насущной общественной необходимостью и, в частности, должны быть соразмерны преследуемым целям...» (пункт 30 Постановления ЕСПЧ от 25 октября 2016 г. по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15)).

ЕСПЧ отмечает, что постановление о высылке было вынесено без уведомления заявителя о вынесшем его органе и продолжительности его действия. Кроме того, ФСБ России отрицает свою причастность к делу, и только через суд заявительница смогла установить ответственность ФСБ России за введение меры. Кроме того, решения внутригосударственных судов, подтверждавшие постановление о высылке, не упоминают фактические основания, по которым выносилось это постановление. В своих решениях российские суды опирались исключительно на неподтвержденную информацию, представленную ФСБ России, и не рассматривали иных доказательств, чтобы подтвердить или опровергнуть обвинения против заявителя. Таким образом, суды не рассмотрели важный аспект дела, а именно вопрос о том, смог ли государственный орган продемонстрировать наличие конкретных фактов, которые служат основой для признания заявителя представляющим угрозу для государственной безопасности. Эти элементы привели ЕСПЧ к выводу о том, что внутригосударственные суды ограничились чисто формальным рассмотрением решения о высылке заявителя из Российской Федерации: *«...решение о высылке заявителя из Российской Федерации не сопровождалось достаточными процессуальными гарантиями и не было необходимым в демократическом обществе. Принимая во внимание, что, с одной стороны, угроза государственной безопасности не была убедительно доказана, и что, с другой стороны, его семейные связи в Российской Федерации были очень сильны, Европейский Суд считает, что высылка заявителя из страны была несоразмерна преследуемым правомерным целям»* (пункт 44 пункт 30 Постановления ЕСПЧ от 25 октября 2016 г. по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15)).

Анализ показывает, что в данном деле правовые позиции ЕСПЧ и Верховного Суда РФ принципиально разошлись. Международный судебный орган считает, что даже в случае высылки по соображениям государственной безопасности национальным судам и самим заявителям должна предоставляться минимальная открытая информация об основаниях и причинах высылки. Как следует из материалов дела, российский суд, который принимал решение, был ознакомлен с ин-

формацией от ФСБ России, однако, в силу ее секретности не приобщил к материалам дела и не сообщил заявителям. ЕСПЧ данную ситуацию считает нарушением в силу того, что она не соответствует процессуальным гарантиям, необходимым в демократическом обществе. Напротив, Верховный Суд РФ, оставив жалобу заявителей без удовлетворения, указал на правомерность практики нераскрытия высылаемым лицам информации об основаниях и подозрениях, обусловивших принятие решения о высылке.

Вместе с тем ряд правовых позиций высших судов Российской Федерации демонстрируют солидарность с позициями ЕСПЧ относительно того, что аргументы властей, подтверждающие необходимость применения к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении такой меры ответственности, как выдворение или высылка, должны учитывать соразмерность в качестве единственно возможного способа удовлетворения интересов государства.

Так, в Постановлении от 14 февраля 2013 г. № 4-П Конституционный Суд РФ признал, что устанавливаемые в законодательстве об административных правонарушениях правила применения мер административной ответственности должны не только учитывать характер правонарушения, его опасность для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий (в том числе для лица, привлекаемого к ответственности) тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений¹.

В ряде дел по пересмотру решений нижестоящих судов Верховный Суд РФ применил данную правовую позицию Конституционного Суда РФ и удовлетворил жалобу лица на решение о высылке, сочтя, что

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2016 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части 1 статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана» // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 3. – 2016.

отсутствовали какие-либо серьезные основания полагать, что высылаемое лицо составляет угрозу безопасности или интересам Российской Федерации. В частности, это имело место в деле гражданина Республики Узбекистан Ачилова С. Р. в связи с признанием его виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1.1. статьи 18.8 КоАП РФ (постановление Верховного Суда РФ от 13 ноября 2017 г. № 8-АД17-7¹). В документе отмечается: «...*Назначение дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации должно основываться на данных, подтверждающих действительную необходимость применения к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, такой меры ответственности, а также ее соразмерность в качестве единственно возможного способа достижения баланса публичных и частных интересов в рамках административного судопроизводства*».

Анализ показывает, что правовые позиции ЕСПЧ по вопросам прав мигрантов, их выдворения, депортации и экстрадиции затрагивают в основном две существенные проблемы: условия и порядок содержания в специализированных центрах; обоснованность и реальную необходимость принудительного перемещения лица в другую страну вне зависимости от целей или причин такого перемещения.

Аналогичные или схожие правовые позиции ЕСПЧ содержатся в его постановлениях от 20 декабря 2016 г. по делу «Бердзенишвили и другие против России» (жалобы № 14594/07, 14597/07, 14976/07, 14978/07, 15221/07, 16369/07 и 16706/07), от 10 января 2017 г. по делу «Новоселов против Российской Федерации» (жалоба № 44882/07), от 26 января 2017 г. по делу «Хамидкариев против Российской Федерации» (жалоба № 42332/14), от 14 февраля 2017 г. по делу «Аллазарова против России» (жалоба № 46721/15), от 7 марта 2017 г. по делу «Каменов против Российской Федерации» (жалоба № 17570/15), от 25 июля 2017 г. по делу «Яковенко против Российской Федерации» (жалоба № 48528/09), от 28 ноября 2017 г. по делу «Чантуридзе против Российской Федерации» (жалоба № 55080/12), от 6 февраля 2018 г. по делу «Буторин против Российской Федерации» (жалоба № 46637/09), от 20 марта 2018 г. по делу «Малимоненко против Российской Федерации» (жалоба № 46580/08).

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2017 г. № 8-АД17-7 // URL: <http://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13112017-n-8-ad17-7> (дата обращения: 27 июля 2018 г.).

2.5. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения права на эффективное расследование преступлений и справедливое судебное разбирательство

Под неэффективностью расследования в практике ЕСПЧ часто понимается несколько аспектов. Во-первых, медлительность в вопросах возбуждения уголовного дела и производстве следственных действий (в том числе и неотложных). Во-вторых, необоснованность отказов в возбуждении уголовного дела по заявлению граждан (в том числе и против сотрудников правоохранительных органов). В-третьих, необоснованность приостановления и прекращения уголовного дела. В-четвертых, игнорирование и неприобщение к делу обоснованных доказательств, свидетельств, предоставляемых заинтересованными лицами.

Во многих случаях жалобы на неэффективность расследования содержат в себе и другие нарушения Конвенции. В частности, это жалобы на пытки, бесчеловечное обращение, в том числе со стороны сотрудников правоохранительных органов. В терминологии ЕСПЧ в данном случае используется термин «эффективное реагирование» на жалобу о жестоком обращении.

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения прав человека в контексте неэффективности расследования преступлений, то они квалифицируются по статье 13 (Право на эффективное средство правовой защиты) и статье 6 (Право на справедливое судебное разбирательство) Конвенции. Нередко квалификация дополняется статьей 2 (Право на жизнь) Конвенции при неэффективности расследования факта смерти лица и статьей 3 (Запрещение пыток) Конвенции при неэффективности расследования фактов пыток и жестокого обращения.

Характерным в данном случае можно считать постановление Европейского Суда от 19 декабря 2013 г. по делу «Добриева и другие против России» (жалоба №18407/10)¹:

– жалоба была подана родственниками Юнуса и Юсупа Добриевых, Магомеда Аджиева и Али Джаниева, которые были похищены в Санкт-Петербурге в 2009 году и бесследно исчезли. До исчезновения они были общественными активистами в одной из республик Северного Кавказа, подвергались угрозам и были вынуждены уехать;

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 декабря 2013 г. по делу «Добриева и другие против России» (жалоба №18407/10) // <http://www.genproc.gov.ru/documents/espch/document-358325/> (дата обращения: 24 июня 2018г.).

– после переезда в Санкт-Петербург, по словам родственников, угрозы продолжались;

– по мнению родственников похищенных, обстоятельства похищения и последующие события указывают на то, что это преступление совершили сотрудники какого-то из правоохранительных ведомств в качестве мести за общественную деятельность;

– уголовное дело по заявлению родственников было возбуждено только через 12 дней. Первые следственные действия по делу были проведены за 3 дня до истечения первоначального срока предварительного расследования; в дальнейшем дело было приостановлено в связи с неустановлением лиц, причастных к совершению преступления;

– расследование исчезновения, по мнению заявителей, велось крайне неэффективно; в течение двух месяцев следствие не запросило записи камер наружного наблюдения с предполагаемого места похищения, а в конце февраля записи были уничтожены в связи с истечением сроков хранения. Записи камер слежения на перекрестках удалось изъять только благодаря настойчивому ходатайству одной из потерпевших. На них видно, как, нарушая правила дорожного движения, машину похищенных преследуют два светлых микроавтобуса и несколько легковых машин.

ЕСПЧ указал, что у него нет достаточно информации для того, чтобы признать факт участия представителей правоохранительных органов в похищении.

Вместе с тем ЕСПЧ признал, что расследование дела было неэффективным в нарушение статей 2 и 13 Конвенции. В частности, констатировалось, *«уголовное дело было возбуждено слишком поздно; следственные действия проводились недостаточно оперативно; не было предпринято достаточно усилий для сбора и сохранения доказательств по делу, для допроса потерпевших и свидетелей; не была изучена возможная взаимосвязь между этим похищением и нападениями на родственников пропавших в прошлом; заявителей не достаточно информировали о ходе расследования дела»* (пункты 70 и 71 постановления ЕСПЧ по делу «Добриева и другие против России» (жалоба №18407/10).

Дела, касающиеся «эффективного реагирования» на жалобы граждан о жестоком обращении, напрямую касаются деятельности сотрудников полиции, поскольку абсолютное большинство выявляемых фактов такого обращения присутствует именно в деятельности сотрудников ОВД. Наиболее общие правовые позиции относительно то-

го, что следует понимать под «эффективным реагированием» были сформулированы ЕСПЧ еще в 1998 году в деле «Ассенов и другие против Болгарии»,¹ и подтверждены в 2006 году в деле «Михеев против России»². Позиция сводится к тому, что «под «эффективным» расследованием подразумевается установление фактов, имеющих отношение к предполагаемому нарушению, а также идентификация и наказание виновных в данном нарушении, если оно доказано». Еще один критерий касается времени, в течение которого осуществлялось реагирование или проводилось расследование фактов жестокого или бесчеловечного, унижающего достоинство обращения. Нерасторопность властей, даже при положительном результате реагирования, признается ЕСПЧ нарушением Конвенции (например, постановление ЕСПЧ от 6 апреля 2000 г. по делу «Лабита против Италии»). Кроме этого, ЕСПЧ внимательно относится к вопросу о том, кто именно проводит расследование жалоб на жестокое обращение со стороны полицейских – другие независимые от предполагаемых преступников в погонах должностные лица или те же следователи, или оперативные сотрудники, в производстве которых находилось уголовное дело потерпевшего (например, постановление ЕСПЧ от 5 ноября 2009 г. по делу «Колеви против Болгарии»).

Что касается практики по отечественным делам, то среди наиболее значимых можно указать на постановление ЕСПЧ от 7 июля 2011 г. по делу «Шишкин против России» (жалоба № 18280/04)³:

– в 2001 году заявитель был задержан и доставлен в ОВД Липецкой области; по его утверждениям, ему не предоставили объяснений о причине задержания, а также не позволили об этом факте проинформировать свою семью или адвоката;

– заявитель отказался признать причастность к убийству, на чем настаивали следователь и оперативники, после чего он был жестоко избит идентифицированными позднее сотрудниками милиции. Истязания продолжались ежедневно в течение более чем 10 дней;

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1998 г. по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (жалоба № 24760/94) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58261> (дата обращения: 24 июня 2018 г.).

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 января 2006 г. по делу «Михеев против России» (жалоба № 77617/01) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72166> (дата обращения: 24 июня 2018 г.).

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 июля 2011 года по делу «Шишкин против России» (жалоба № 18280/04) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-105531> (дата обращения: 24 июня 2018 г.).

– в феврале 2001 года судебно-медицинская экспертиза, получившая доступ к заявителю после настойчивых требований родственников, зафиксировала ушиб его левого плеча, который мог быть нанесен примерно за две недели до проведения экспертизы;

– в мае 2001 года уголовное дело в отношении заявителя по факту убийства и разбойного нападения было прекращено по причине установления других подозреваемых лиц, которые позднее были признаны судом виновными;

– заявитель обратился в прокуратуру г. Ельца с ходатайством о возбуждении уголовного дела в отношении вышеупомянутых сотрудников милиции по факту жестокого обращения. Только с третьего раза дело было возбуждено;

– дело неоднократно приостанавливалось и прекращалось. Общий срок расследования фактов жестокого обращения составил 6 лет.

В данном деле ЕСПЧ единогласно признал, что реагирование на жалобу заявителя, включая расследование, было неэффективным, во многом связанным с желанием не допустить привлечения к ответственности виновных сотрудников полиции. Суд указал на следующую правовую позицию: *«Что касается тщательности проведенной проверки, то Суд отмечает серьезные недостатки, которые могли негативно повлиять на ее надежность и эффективность. Во-первых, не было проведено никакой судебно-медицинской экспертизы, и это явно препятствовало установлению фактов получения заявителем телесных повреждений. В этом отношении Суд повторяет, что проведение надлежащих медицинских экспертиз является неотъемлемой гарантией против жестокого обращения. ...Власти не установили точную последовательность событий и не учли расхождений в показаниях родственников подсудимых, заявителя и конвоиров. Это можно было устранить посредством, в числе прочего, постановки конкретных вопросов очевидцам с целью прояснения точных деталей цепочки событий и их временной хронологии, проведения очных ставок между теми свидетелями, которые давали противоречащие показания, поиска и допроса других очевидцев случившегося, например, адвоката подсудимых, сотрудников суда, которые присутствовали в здании суда на момент случившегося, проведения осмотра места происшествия или следственного эксперимента с целью воссоздания обстоятельств случившегося и проверки заявлений очевидцев. Непроведение следственными органами указанных выше мероприятий привело к невозможности установления в ходе расследования полной и подробной фактической картины обстоятельств слу-*

чившегося» (пункт 117 постановления ЕСПЧ от 7 июля 2011 года по делу «Шишкин против России» (жалоба № 18280/04).

Право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Конвенции, становится предметом рассмотрения Европейского Суда довольно часто. Применительно к данной норме ЕСПЧ в своих правовых позициях поднимает такие вопросы, как беспристрастность судей, независимость суда, объективность и состязательность судебного процесса, эффективное и полное исследование доказательств, объективность обвинения. С точки зрения расследования преступлений данная статья Конвенции рассматривается Судом как норма, обеспечивающая эффективный судебный контроль за действиями следователей на этапе сбора доказательств и формулирования обвинения.

В определенной мере требование беспристрастности суда перекликается с требованием его независимости, в частности, от сторон в деле. ЕСПЧ в этом аспекте применяет двоякий подход:

во-первых, исследуется вопрос о субъективной беспристрастности суда в смысле беспристрастности самих его членов;

во-вторых, изучается вопрос о том, создается ли в достаточной мере видимость беспристрастности с объективной точки зрения;

в-третьих, поднимается вопрос о том, позволяют ли гарантии беспристрастности в данной ситуации вообще исключить любое сомнение относительно вины.

При решении вопроса независим ли тот или иной орган ЕСПЧ в своих правовых позициях принимает во внимание, такие аспекты, как способ формирования состава суда, наличие гарантий против давления извне.

Довольно часто ЕСПЧ формулирует правовые позиции по вопросам, связанным с существом дела, его фактологической составляющей. В частности, затрагиваются процессуальные вопросы, объективность и состязательность судебного процесса, эффективное и полное исследование доказательств.

Характерным делом является постановление ЕСПЧ по делу «Навальный (VII) против России (Навальный против России и Офицеров против России)» от 23 февраля 2016 г.¹. Заявители жаловались на то, что были несправедливо осуждены в Российской Федерации за эко-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный (VII) против России (Навальный против России и Офицеров против России)» (жалобы № 46632/13 и 28671/14) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-161060> (дата обращения: 26 июля 2018г.).

номическое преступление (предусмотренное частью 4 статьи 160 (Присвоение или растрата) Уголовного Кодекса Российской Федерации)¹, а само уголовное преследование является ответом властей на их общественную и политическую деятельность. Обвинение заявителей было основано на показаниях третьего осужденного по данному делу, который заключил досудебное соглашение со следствием, и его дело рассматривалось судом в упрощенном порядке без исследования доказательств. Заявители указали, что в ходе судебного разбирательства суд отказался заслушивать показания нескольких свидетелей защиты, но принял во внимание показания свидетелей обвинения. Также утверждалось, что доказательства, которые дал третий осужденный участник дела, являются недопустимыми, поскольку были получены в обмен на условия досудебного соглашения, а сами доказательства исследованы предыдущим судом не были.

В данном деле ЕСПЧ исследовал такие вопросы, как:

– имело ли место нарушение права заявителей на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом в соответствии с пунктами 1 и 2 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции. В частности, соответствовало ли требованиям пунктов 1 и 2 статьи 6 Конвенции выделение уголовного дела в отношении третьего обвиняемого в отдельное производство и использование по уголовному делу заявителей доказательств, полученных в рамках данного уголовного преследования;

– являлось ли деяние, за которое заявители были осуждены, уголовным преступлением согласно действовавшему в момент его совершения национальному праву, и правильная ли была выбрана квалификация;

– преследовало ли уголовное разбирательство и осуждение заявителей цели, отличные от привлечения их к ответственности.

В постановлении ЕСПЧ подчеркивалось, что при решении вопроса о том, было ли судебное разбирательство по делу заявителей справедливым, он не заступает на место национальных судов, которые находятся в более выгодном положении, чтобы произвести исследование представленных доказательств, установить необходимые факты и осуществить толкование национального законодательства. В задачи ЕСПЧ входит ответ на вопрос о том, являлось ли справедливым судопроизводство в целом, включая способ получения доказательств.

¹ Далее – «УК РФ».

Относительно допустимости использования доказательств, полученных от третьего обвиняемого, дело которого было выделено в отдельное производство, ЕСПЧ указал, что *«в данной ситуации было необходимо предоставить гарантии, которые бы обеспечили, чтобы процессуальные меры и решения, принятые в ходе производства по делу Х¹, не сделали бы несправедливым последующее разбирательство по делу заявителей. Это было особенно актуально в связи с тем, что заявители не имели процессуальной возможности принять какое-либо участие в отдельном производстве, так как им не был предоставлен статус, который бы позволил обжаловать решения и выводы, сделанные судом по выделенному делу... Любое решение об отдельном рассмотрении дел, столь тесно связанных между собой с точки зрения общих обстоятельств, должно основываться на тщательном анализе всех конкурирующих интересов»* (пункт 103 постановления ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный (VII) против России» (жалобы № 46632/13 и 28671/14).

Также ЕСПЧ подверг сомнению обоснованность преюдициального влияния доказательств по выделенному делу на дело заявителей. В частности, было указано, что требование, связанное с проведением отдельного производства, предусматривает, что обстоятельства, установленные по выделенному делу, в котором не участвуют другие обвиняемые, не должны иметь преюдициального значения для их дела. Особо подчеркнуто, что статус доказательств, использованных по одному делу, должен оставаться сугубо относительным, а их сила – ограничиваться данным конкретным судопроизводством. ЕСПЧ констатировал, что ни одно из этих двух фундаментальных требований не было соблюдено в деле заявителей.

Относительно вопроса о правильности квалификации деяний заявителей в качестве преступления по уголовному законодательству Российской Федерации ЕСПЧ занял позицию, в соответствии с которой не было в достаточной мере доказано, что совершенные деяния существенно отличались от обычной практики коммерческой деятельности. Так, Суд указал, что *«...никому из заявителей не вменялось в вину заключение фиктивной сделки либо сделки, предполагавшей отмывание денежных средств, уклонение от уплаты налогов, либо тот факт, что стороны вступили в сговор с целью использования поступлений от агентского вознаграждения в каких-либо иных неза-*

¹ Так в деле именуется третий обвиняемый, заключивший досудебное соглашение – прим. авт.

конных или сомнительных целях. Напротив, из имеющихся материалов дела следует, что обе стороны договора преследовали коммерческие цели независимо друг от друга и что данные цели точно соответствовали целям, указанным в договоре...» (пункт 112 постановления ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный (VII) против России» (жалобы № 46632/13 и 28671/14).

Таким образом, правовая позиция ЕСПЧ в рассматриваемом деле сводится к тому, что российские суды признали заявителей виновными в совершении действий, неотличимых от обычной коммерческой посреднической деятельности. Суд считает, что действия, которые были охарактеризованы в деле как уголовно наказуемые, полностью выпадали из сферы действия статьи, по которой заявители были признаны виновными, и не соответствовали изначальной цели данной статьи. По мнению ЕСПЧ, уголовный закон подвергся произвольному и непредсказуемому толкованию в ущерб заявителям, что привело к явно необоснованному исходу судебного разбирательства.

Анализ правовых позиций Европейского Суда по правам человека на нарушения права на эффективное расследование преступлений и справедливое судебное разбирательство показывает, что эти связанные друг с другом категории нарушений имеют тем не менее разную трактовку в практике международного судебного органа.

В качестве нарушения права на эффективное расследование Суд чаще всего рассматривает такие ситуации, как необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, неправомерное его прекращение, неоправданное затягивание расследования, несвоевременное истребование и фиксацию доказательств по делу. В этом смысле ЕСПЧ рассматривает все указанные нарушения как действия, снижающие процессуальные гарантии лиц, которые рассчитывают получить выгоду от такого расследования (жертвы, их родственники).

В отношении нарушений права на справедливое судебное разбирательство в части уголовного преследования ЕСПЧ исходит, как правило, из проверки действий суда в соответствии с принципом незаинтересованности и беспристрастности. Также практика показывает, что Суд ставит вопросы о допустимости доказательств, не затрагивая при этом право национальных властей самостоятельно устанавливать ее критерии. Кроме того, ЕСПЧ в отдельных делах признал себя компетентным оценивать правильность квалификации деяний, чем, в сущности, подменяет компетенцию национальных судов.

Аналогичные или схожие правовые позиции ЕСПЧ по рассматриваемой категории содержатся в его постановлениях от 13 марта

2014 г. по делу «Пакшаев против Российской Федерации» (жалоба № 1377/04), от 27 марта 2014 г. по делу «Матыцина против Российской Федерации» (жалоба № 58428/10), от 7 марта 2017 г. по делу «В.К. против России» (жалоба № 68059/13), от 17 октября 2017 г. по делу «Навальные против Российской Федерации» (жалоба № 101/15), от 17 июля 2018 г. «Мазепа и другие против России» (жалоба № 15086/07).

2.6. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения права на свободу собраний, объединений, свободу выражения мнений

В последние годы количество дел против Российской Федерации, в которых Европейский Суд установил нарушение права на свободу собраний, объединений, свободу выражения мнений было значительным¹. Связано это с возросшей общественной активностью, а также реакцией властей, в том числе полиции, на незаконные и несанкционированные мероприятия. В этой связи международный судебный орган сформулировал ряд существенных правовых позиций, которые можно разделить на следующие группы:

- нарушения при квалификации национальными судебными или иными правоприменительными органами действий лиц в качестве того или иного вида публичного мероприятия, от чего зависит вопрос о соблюдении процедур их поведения;
- отказ властей согласовать проведение публичного мероприятия или непредоставление альтернативных мест его проведения;
- неэффективность процедур обжалования решения властей о несогласовании времени и места проведения мероприятия;
- отсутствие в решениях властей о согласовании массового мероприятия приемлемого баланса интересов между организаторами и участниками таких мероприятий и иными лицами.

Квалификация: в данных категориях дел ЕСПЧ устанавливал нарушения применительно к следующим нормам Конвенции:

статья 5 (Право на свободу и личную неприкосновенность) Конвенции;

статья 10 (Свобода выражения мнения) Конвенции;

¹ Из годовых отчетов Европейского Суда следует, что за последние 5 лет (2012–2017 гг.) факты нарушения Российской Федерацией права на свободу собраний, объединений и свободу выражения мнений были установлены в 112 делах, из которых 64 – по статье 10 Конвенции, и 48 – по статье 11 Конвенции – <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=court/annualreports&c> (дата обращения: 2 августа 2018 г.)

статья 6 (Право на справедливое судебное разбирательство) Конвенции;

статья 11 (Свобода собраний и объединений) Конвенции.

В качестве примера нарушения при квалификации национальными судебными или иными правоприменительными органами действий лиц в качестве того или иного вида публичного мероприятия можно рассматривать обстоятельства, изложенные в постановлении ЕСПЧ от 18 июля 2017 г. по делу «Захаркин и другие против России» (жалоба № 40377/10)¹.

Заявитель являлся организатором одиночных пикетов с участием нескольких лиц. Он раздал им плакаты и объяснил, для того, чтобы избежать привлечения к ответственности за проведение публичного мероприятия без предварительного уведомления властей, участникам пикетов следует расположиться на некотором расстоянии друг от друга, например, на разных улицах. Следует отметить, что действовавшее на тот момент российское законодательство не предусматривало специального уведомления и согласования на такой вид мероприятий, как одиночные пикеты. К тому же национальные нормы не предусматривали требования в отношении минимального расстояния между одновременными одиночными пикетированиями.

Заявителя задержали и доставили в отделение милиции, где он пробыл три часа. Позднее суд привлек его к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.2 КоАП РФ в виде штрафа. Суд указал на то, что заявитель был обязан подать предварительное уведомление о проведении мероприятия в компетентный орган, как того требует закон, поскольку оно носило характер массовости: заявитель и его коллеги встретились в одном месте; заявитель давал указания другим и раздавал плакаты; он отвел их на место пикетирования. По мнению суда, описанные выше обстоятельства указывали на наличие мероприятия в форме не одиночного, а массового пикетирования. Заявитель утверждал, что он организовал несколько одиночных пикетирований своих коллег, а не единое публичное мероприятие. Таким образом, основной упор в главных жалобах заявителя делался на утверждение о произвольном применении внутреннего законодательства, касающегося мероприятий с участием нескольких участников и ответственности организаторов таких мероприятий за нарушение закона.

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 июля 2017 г. по делу «Захаркин и другие против России» (жалоба № 40377/10) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175681> (дата обращения: 2 августа 2018 г.).

ЕСПЧ отметил, что действовавшее на момент события российское законодательство не предусматривало предварительного уведомления для проведения одиночных пикетов, равно как и не содержало требование о соблюдении минимальной дистанции между пикетирующими (данная норма появилась в законе позднее и дала возможность властям субъектов РФ самостоятельно устанавливать такую дистанцию, но не более чем в 50 м). В постановлении указывается: *«...действующее на тот момент законодательство было недостаточно предсказуемым, чтобы заключить, какое действие или бездействие могло считаться правонарушением ввиду нарушения требования об уведомлении, когда имелось сомнение, является ли рассматриваемое мероприятие групповым мероприятием (проводимым в форме собрания или пикетирования), одиночными пикетированиями, проводимыми одновременно, или просто одним одиночным пикетированием...»* (пункт 131 постановления ЕСПЧ от 18 июля 2017 г. по делу «Захаркин и другие против России» (жалоба № 40377/10)).

Суд также рассмотрел вопрос о квалификации действий участников пикетирования как групповых на основании части 1.1 статьи 7 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»¹. Он указал, что запланированные властями цели по обеспечению общественного порядка во время проведения публичного мероприятия были полностью достижимы с помощью надлежащего применения требования о соблюдении расстояния, без *«насущной социальной потребности»* в применении *«правила переквалификации»* и требования о подаче уведомления. Это, по мнению Суда, существенным образом затрагивает свободу выражения мнения, осуществляемую участниками одиночных пикетирований.

В связи с этим ЕСПЧ не усматривает законной цели, которую намеревались достичь органы власти применительно к статье 10 Конвенции. Также Суд не смог установить достаточные основания, составляющие *«насущную социальную необходимость»* для привлечения к ответственности за несоблюдение требования о подаче уведомления, когда заявители просто стояли на расстоянии пятидесяти метров друг от друга, не нарушая общественный порядок и никому не мешая. ЕСПЧ формулирует в связи с этим следующую правовую по-

¹ Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собр. законодательства Рос. Федерации, – 2004 – № 25, ст. 2485. (далее – Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ).

зицию: *«Действительно, не имелось никаких убедительных обстоятельств, связанных с общественной безопасностью, предотвращением беспорядков или защитой прав других лиц. Единственным соответствующим соображением являлась необходимость наказать за противоправные действия. В данном контексте это не является веским доводом при отсутствииотягчающих обстоятельств».*

Таким образом, в данном деле ЕСПЧ указывает на один из основных признаков демократического подхода к организации такого вида публичных мероприятий, как одиночные пикетирования. Правовая позиция, во-первых, сводится к пониманию того, что отсутствие нарушения общественного порядка участниками мероприятия, а также формальное соблюдение ими правил размещения на территории не дает право властям квалифицировать эти действия как массовое мероприятие, для которого требуется уведомление. Во-вторых, позиция ЕСПЧ указывает на необходимость учитывать характер действий участников пикетирования во время его проведения, а не в период, предшествовавший ему. Собрание участников вместе до начала мероприятия не может рассматриваться как нарушение закона.

Жалобы на отказ властей согласовать проведение публичного мероприятия или непредоставление альтернативных мест его проведения также становились предметом рассмотрения ЕСПЧ. Для МВД России эти дела имеют значение, поскольку результат несогласования прямо влияет на возможность применения к участникам мер принуждения.

В объединенном деле «Лашманкин и другие против России», вынесенном 7 февраля 2017 года¹, было рассмотрено множество ситуаций, которые складывались при организации и проведении различных публичных мероприятий: митингов, шествий, пикетирований. В частности, один из заявителей обжаловал решение властей Москвы не предоставлять ему как организатору коллективного пикетирования альтернативных мест его проведения, что противоречит действующему законодательству, в соответствии с которым власти обязаны это делать. Отказ мотивировался тем, что данное лицо подало второе уведомление об одновременном проведении другого пикетирования в соседнем округе. Таганский районный суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя на решение властей Москвы. В частности, суд постановил, что отказ согласовать пикетирование в других местах был

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (жалоба № 57818/09) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170857> (дата обращения: 2 августа 2018 г.).

законным, поскольку заявитель представил два уведомления в отношении мероприятий в двух разных местах, в Центральном и Северном административных округах, которые должны были проводиться одновременно.

Заявитель утверждал, что национальное законодательство не предусматривает отказа в согласовании времени и места проведения публичного мероприятия на основании подачи двух уведомлений одним лицом.

В данном случае ЕСПЧ установил отсутствие достаточных оснований у властей не предложить альтернативное место проведения мероприятия только на основании того, что заявитель является организатором двух таких мероприятий. По мнению Суда, этот аспект никак не был оговорен в действовавшем на момент события законодательстве, не был закреплен однозначный запрет на подачу других уведомлений одновременно, а, следовательно, заявители могли это сделать. Также было указано, что закон обязывает власти предлагать альтернативу вне зависимости от того, кто и в отношении скольких мероприятий является уведомителем.

Еще одной проблемой, с которой сталкиваются организаторы публичных мероприятий, является проблема обжалования решения властей о несогласовании времени и места проведения мероприятия. Суды очень долго рассматривают такие жалобы, не оставляя фактически возможности организатору провести мероприятие в установленных рамках, даже если суд признает несогласование незаконным. В таких ситуациях ЕСПЧ исходит из общей нормы статьи 13 Конвенции об эффективности средств правовой защиты.

В отношении отказа в предварительном согласовании публичного мероприятия ЕСПЧ указал, что одним из важнейших аспектов является наличие эффективных средств правовой защиты тех, кто подает уведомление. В этой связи отмечено, что понятие эффективного средства правовой защиты подразумевает возможность получения окончательного решения по таким ограничениям до времени, на которое запланировано мероприятие. *«Средство правовой защиты, носящее характер постфактум, не может предоставить соответствующее возмещение в отношении статьи 11 Конвенции. Поэтому для эффективной реализации свободы собраний важно, чтобы применяемое законодательство предусматривало разумные сроки, в пределах которых государственные органы власти должны действовать, принимая уместные решения».* Также было указано, что российские законы предусматривали для организаторов сроки на подачу уведомле-

ния о публичном мероприятии, но органы власти не были связаны какими-либо правовыми ограничительными сроками для выдачи своих окончательных решений. Суд, таким образом, установил, что судебное средство правовой защиты, доступное организаторам публичных мероприятий, имеющее характер постфактум, не могло обеспечить адекватное исправление предполагаемых нарушений.

Правовая позиция ЕСПЧ относительно отсутствия в решениях властей о согласовании массового мероприятия приемлемого баланса интересов между организаторами и участниками таких мероприятий и иными лицами также нашла отражение в рассматриваемом постановлении по делу «Лашманкин и другие против России». В частности, речь идет о ситуации, при которой власти отказываются согласовывать проведение публичного мероприятия в конкретном месте по причине того, что это может помешать проведению других (культурно-массовых, спортивных и т. п.) мероприятий или создать трудности в движении транспорта и граждан.

ЕСПЧ в связи с этим отмечает, что даже в тех делах, где российские суды рассматривали обоснованный вопрос, был ли отказ в согласовании места, времени или способа проведения публичного мероприятия, они не признавали сопряженность с противоречием права на свободу собраний и законных интересов других лиц и неприменение подхода уравнивания интересов. Далее подчеркивается, что *«баланс, по-видимому, был установлен в пользу защиты интересов третьих лиц, например, прав и свобод лиц, не являющихся участниками, таким образом, делающим затруднительным решение исхода дела в пользу свободы собраний. Суд заключает, что на практике российские суды не применяли стандартов, которые соответствовали принципам, установленным в статье 11 Конвенции, и не провели проверки требований пропорциональности и необходимости»*.

Анализ показывает, что ЕСПЧ по жалобам на нарушения свободы собраний и выражения мнений придерживается позиций соблюдения приемлемого баланса интересов общества, государства и лиц, желающих реализовать такие права. Ограничения, вводимые властями в целях обеспечения общественного порядка и безопасности, должны быть обоснованными и объективными.

Аналогичные или схожие правовые позиции ЕСПЧ отражены в его постановлениях от 3 октября 2013 г. по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации» (жалоба № 21613/07), от 5 января 2016 г. «Фрумкин против Российской Федерации» (жалоба № 74568/12), от 26 апреля 2016 г. по делу «Новикова и другие против Российской Феде-

рации» (жалобы № 25501/07, 57569/11, 80153/12, 5790/13 и 35015/13), от 4 октября 2016 г. по делу «Ярослав Белоусов против Российской Федерации» (жалобы № 2653/13 и 60980/14), от 11 октября 2016 г. по делу «Каспаров против Российской Федерации» (жалоба № 53659/07), от 13 декабря 2016 г. по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации (№ 2)» (жалоба № 51988/07), от 18 июля 2017 г. «Елисеев против России» (жалоба № 32151/09), от 25 июля 2017 г. по делу «Анненков и другие против Российской Федерации» (жалоба № 31475/10).

Следует отметить, что вопросы проведения публичных мероприятий неоднократно становились предметом рассмотрения со стороны Конституционного Суда РФ по индивидуальным и коллективным жалобам. Часть решений по таким делам была вынесена в контексте тех же проблем, которые поднимал ЕСПЧ, а часть стала предметом самостоятельного толкования.

В частности, в Постановлениях Конституционного Суда РФ была поставлена точка в вопросе о законности нормативного запрета проводить публичные мероприятия вблизи зданий, занимаемых органами государственной власти. В Определении от 29 мая 2007 г. № 428-О-О Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы заявителя, который утверждал, что положение пункта 3 части 2 статьи 8 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ, запрещающее проведение публичного мероприятия вблизи зданий судов, несовместимо со статьей 31 Конституции РФ, поскольку оно чрезмерно ограничивает право на свободу собраний. Конституционный Суд РФ установил, что целью этого ограничения является защита независимости судебных органов и предотвращение давления на судей. Таким образом, ограничение было оправдано и не нарушало конституционные права граждан.

Еще одним вопросом, поднимавшемся в органе конституционного правосудия, был вопрос о неопределенности границ территорий, на которых запрещается проведение публичных мероприятий. В Определении от 17 июля 2007 г. № 573-О-О Конституционный Суд РФ рассмотрел жалобу Уполномоченного по правам человека, который утверждал, что Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ не обладает достаточной предсказуемостью применения, поскольку он не содержит четкого определения границ территорий, на которых проведение публичных мероприятий было запрещено в соответствии с частью 2 статьи 8 данного закона. Конституционный Суд РФ отметил, что запрет на проведение публичных мероприятий в этих местах оправдан соображениями безопасности и особым правовым режимом,

действующим на данной территории. Он также постановил, что граница земельных участков рассматриваемых территорий должна быть определена решениями органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органов местного самоуправления в соответствии с нормативными правовыми актами, регулирующими отношения в сфере землеустройства, землепользования и градостроительства. Такие решения должны быть объективно оправданы целью обеспечения нормального функционирования коммунальных служб, расположенных на соответствующей территории. В отсутствие решения органов исполнительной или муниципальной власти, определяющих границы территории, где проведение публичных мероприятий было запрещено, публичные мероприятия в этом месте не могут считаться незаконными, и их участники не могут быть привлечены к ответственности. Таким образом, данная правовая позиция в целом совпадает с позициями ЕСПЧ, которые также указывают на то, что отсутствие нормативно определенных границ не должно создавать препятствий для проведения на данной территории публичных мероприятий.

В ряде ситуаций правовые позиции Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ расходятся, особенно это хорошо видно из сравнения Определения от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П и постановления ЕСПЧ по делу «Лашманкин и другие против России», вынесенного 7 февраля 2017 года. Заявители утверждали, что часть 5 статьи 5 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ, которая запрещала проведение публичного мероприятия, если время и место его проведения не были согласованы компетентными региональными или муниципальными органами власти, несовместима со статьей 31 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ постановил, что как Конституция РФ, так и Конвенция 1950 г. предусматривают ограничения свободы собраний в определенных случаях. Российский закон не наделяет органы исполнительной власти полномочиями по запрету публичного мероприятия, а лишь разрешает властям делать обоснованные предложения относительно места или времени проведения публичного мероприятия. При этом Конституционный Суд РФ отмечает, что невозможно составить исчерпывающий перечень допустимых причин несогласования, поскольку это могло бы привести к необоснованному ограничению полномочий органов исполнительной власти. Таким образом, правовая позиция ЕСПЧ относительно предельной конкретизации оснований несогласования входит в определенное противоречие с правовой позицией Конституционного Суда РФ.

Вместе с тем в этом же Определении Конституционный Суд РФ согласился с другой позицией ЕСПЧ. Он постановил, что отказ органов власти согласовать публичное мероприятие не может быть оправдан логистическими или другими аналогичными соображениями. Тот факт, что публичное мероприятие может становиться причиной неудобств, не является достаточным для обоснования предложения об изменении места или времени проведения. Органы власти должны были продемонстрировать, что соображения общественного порядка сделали невозможным проведение публичного мероприятия.

Анализ показывает, что ЕСПЧ устанавливает факты нарушения права на свободу собраний, объединений, свободу выражения мнений, прежде всего, в контексте несоблюдения властями приемлемого баланса интересов различных групп граждан и интересов властей. Суд усматривал несоответствие действий уполномоченных органов исполнительной власти статье 11 Конвенции в том случае, когда отказ согласовывать проведение публичного мероприятия в конкретном месте не был сопровожден предложением другого места его проведения. Кроме того, ЕСПЧ констатировал нарушения в части сроков принятия властями окончательного решения о согласовании проведения публичного мероприятия.

2.7. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения прав и свобод человека при проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского федерального округа

Большинство постановлений ЕСПЧ по такой категории дел были приняты в отношении жалоб родственников и других заинтересованных лиц по факту задержания и последующего бесследного исчезновения гражданских лиц в условиях проведения контртеррористических операций в республиках Северного Кавказа. Сущность жалоб, а также обстоятельства, на которые ссылаются заявители, типичны.

Квалификация: несмотря на то, что прямые доказательства причастности представителей правоохранительных органов к «неучтенным» задержаниям и последующим исчезновениям были установлены далеко не во всех делах такого рода, ЕСПЧ неизменно констатирует нарушение статьи 5 Конвенции в части незаконного задержания, статьи 2 Конвенции в части неспособности властей обеспечить безопасность, повлекшее смерть лица, а также статьи 13 Конвенции в части неэффективного расследования фактов исчезновения людей.

Следует отметить, что аналогичные постановления принимались и в отношении властей других государств, где проводились специальные операции, приведшие к сходным последствиям (в частности, постановление от 27 февраля 2001 г. по делу «Чиек против Турции» (жалоба №. 25704/94)¹.

Характерными примерами являются постановления ЕСПЧ от 12 июня 2008 г. по делу «Атабаева и другие против России» (жалоба № 26064/02)², от 12 июня 2008 г. по делу «Элмурзаев и другие против России» (жалоба № 3019/04)³, от 21 февраля 2017 г. по делу «Куштова и другие против России» (№ 2)» (жалоба № 60806/08)⁴. В частности, жалобы в данных делах были связаны со следующими фактами:

- заявители утверждали, что их родственники или знакомые были задержаны в ходе проводимой федеральными силами специальной операции по «отработке» жилого сектора в целях обнаружения предполагаемых участников незаконных вооруженных формирований;

- заявители утверждали, что задержание проводилось с применением грубой силы, хотя задерживаемые не оказывали сопротивления и выполняли все требования властей;

- родственники не получили копий процессуальных документов о задержании, а также о принятых процессуальных решениях, несмотря на неоднократные запросы;

- наличие подтвержденных свидетельских показаний о задержании родственников заявителей и их содержании под стражей в местах, контролируемых правоохранительными органами;

- невозвращение задержанных, отсутствие сведений об их судьбе.

Во всех делах, где присутствует факт задержания, осуществленного в условиях исключительного правового режима, повлекшего исчезновение задержанного, представители Российской Федерации отстаивали точку зрения о непричастности военнотружущих или сотрудуников правоохранительных органов. А именно, указывалось на отсутствие осно-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 февраля 2001 г. по делу «Чиек против Турции» (жалоба №. 25704/94) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59219> (дата обращения: 21 июня 2018 г.).

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2008 г. по делу «Атабаева и другие против России» (жалоба № 26064/02) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86883> (дата обращения: 21 июня 2018 г.).

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2008 г. по делу «Элмурзаев и другие против России» (жалоба № 3019/04) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86945> (дата обращения: 21 июня 2018 г.).

⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 2017 г. по делу «Куштова и другие против России» (№ 2)» (жалоба № 60806/08) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-171527>.

ваний причастности вследствие невозможности даже самих заявителей четко идентифицировать таких лиц. Однако ЕСПЧ по всем подобным жалобам не принял во внимание доводы представителей Российской Федерации в части нарушения статьи 5 Конвенции. Кроме того, оспаривая применимость статьи 2 Конвенции к такого рода делам, представители Российской Федерации утверждали, что в отсутствие тела исчезнувшего лица никто не может явно свидетельствовать о его смерти и, следовательно, статья 2 Конвенции неприменима.

В частности, в рамках таких дел ЕСПЧ сформулировал позицию, в соответствии с которой *«задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальные сведения об их дальнейшем местонахождении и судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы лицам скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответственности за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимыми с главной целью статьи 5 Конвенции... власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах (пункт 105 постановления ЕСПЧ от 12 июня 2008 г. по делу «Атабаева и другие против России»).*

Кроме этого, характерна правовая позиция ЕСПЧ в таких делах относительно бремени доказывания. В них Суд исходит из презумпции виновности государства, поскольку *«... если заявители смогли представить достаточно убедительные доказательства, что похищение было осуществлено военнослужащими, то это является достаточным основанием для того, чтобы они могли утверждать о попадании их родственников под контроль представителей власти, и, следовательно, именно Власти должны нести бремя доказательства ...».*

Относительно возражения властей о неприменимости к таким делам статьи 2 Конвенции вследствие отсутствия найденного тела Суд категорически не согласился с такими доводами практически во всех случаях. В частности, в ряде дел дублируется одно и то же утверждение, в соответствии с которым *«...пропавший человек может считаться умершим. Принимая во внимание многочисленные дела об ис-*

чезновениях в Чечне и Ингушетии, рассмотренные ранее, Европейский Суд определил, что с учетом особого контекста конфликта в регионе в случаях, когда человек был задержан неустановленными представителями власти без последовавшего за этим официального признания факта задержания, данная ситуация может рассматриваться как представляющая угрозу для жизни...».

Вопросы эффективности проведенного расследования исчезновения людей в ходе контртеррористической операции также становятся источником сформулированных правовых позиций ЕСПЧ. Суд неоднократно подчеркивал, что само по себе возбуждение уголовного дела в данной ситуации не может считаться эффективным средством защиты. Во многих подобных делах, рассмотренных ЕСПЧ, было констатировано, что расследования остаются незавершенными на протяжении многих лет и не приводят к существенным результатам в отношении установления личностей преступников или выяснения судьбы пропавшего человека. К основным недостаткам следствия Суд в разное время относил:

- расследование приостанавливается на длительный период, что в дальнейшем сокращает шансы раскрыть преступление;
- не предпринимается надлежащих действий, чтобы проверить утверждения заявителей в отношении нахождения исчезнувшего лица под стражей;
- отсутствие попыток установить личности сотрудников спецслужб, которые могли бы иметь сведения об исчезнувшем лице;
- не осуществление никаких действий, чтобы установить личность сотрудников полиции, патрулирующих местность рядом с местом похищения в соответствующий день.

Отдельного внимания заслуживают правовые позиции ЕСПЧ по делам об исчезновении людей при проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского федерального округа, в которых Суд признает родственников похищенных людей жертвами нарушения статьи 3 Конвенции. В отдельных постановлениях подчеркивается, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте исчезновения члена семьи, а в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. «...В тех случаях, когда о смерти пропавшего становится известно спустя длительное время после того, как он или она считались без вести пропавшими, существует определенный период, в течение которого заявитель страдает от неопределенности, тревоги и стресса, характерных для особого феномена исчезновений» (пункт

115 постановления ЕСПЧ от 9 ноября 2006 г. по делу «Лулуев и другие против России» (жалоба № 69480/01). Суд считает, что заявители, которые являются матерями и родными братьями (сестрами) без вести пропавших людей, должны быть признаны жертвами нарушения по статье 3 Конвенции, так как они пережили и продолжают испытывать душевные страдания и стресс по причине невозможности установить дальнейшую судьбу их исчезнувшего родственника и по причине равнодушия властей к решению данного вопроса.

Анализ показывает, что Суд рассматривает жалобы на действия властей в период проведения специальных, в том числе контртеррористических операций, прежде всего, в контексте обоснованности задержаний и содержания под стражей, эффективности расследования фактов жестокого обращения и исчезновения людей, гарантий фундаментальных прав человека. При этом позиция ЕСПЧ относительно виновности властей в исчезновениях проистекает не столько из доказательств причастности к этому сотрудников силовых структур, сколько из обязанности государства не допускать подобные факты и эффективно их расследовать.

Аналогичные или схожие правовые позиции ЕСПЧ по рассматриваемой категории содержатся в его постановлениях от 21 июня 2016 г. по делу «Мутаева и Исмаилова против Российской Федерации» (жалоба № 33539/12), от 21 июня 2016 г. по делу «Ибрагим Цечоев против России» (жалоба № 18011/12), от 22 ноября 2016 г. по делу «Орцуева и другие против России» (жалобы № 3340/08 и 24689/10), от 31 января 2017 года по делу «Абубакарова и Мидалишова против России» (жалобы № 47222/07 и № 47223/07), от 14 марта 2017 года по делу «Орлов и другие против России» (жалоба № 5632/10), от 13 апреля 2017 года по делу «Тагаева и другие против России» (жалоба 26562/07 и 6 другим жалобам), от 10 октября 2017 года по делу «Хаджимурадов и другие против России» (жалоба № 21194/09 и 16 другим жалобам).

2.8. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий

В практике ЕСПЧ вопросы осуществления оперативно-розыскных мероприятий¹ поднимаются, как правило, в связи с одним видом нарушений, которые заявители усматривают в действиях сотрудников правоохранительных органов – *провокации преступления*. Большин-

¹ Далее – «ОРМ».

ство «российских» дел касаются провокации взятки или провокации действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Проблема соотношения оперативного эксперимента и провокации преступления присутствует в практике правоохранительных органов многих государств. Однако следует отметить, что отечественная правовая доктрина и правоприменение более лояльно относятся к идее борьбы с латентными преступлениями при помощи данного вида ОРМ, чем во многих других государствах Совета Европы. Кроме того, в отечественном законодательстве (также в отличие от законодательства отдельных европейских государств) нет четкого разграничения оперативного эксперимента и провокации преступления, о чем в своих постановлениях часто напоминает ЕСПЧ.

В целом, ЕСПЧ признает, что осуществление негласных методов борьбы с преступлениями, особенно коррупционной направленности, не противоречит положениям Конвенции. Основные проблемы, на которые указывает Суд, – это несовершенство законодательства в части критериев провокации, а также незаконные действия сотрудников правоохранительных органов, которые нередко буквально «уговаривают» заявителей совершить преступление, причем иногда делают это неоднократно.

Учитывая серьезный общественный резонанс и немалое количество жалоб на нарушения при осуществлении ОРМ, Суд выработал вполне четкие и приемлемые критерии разграничения провокации преступления и законных действий сотрудников правоохранительных органов.

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения Конвенции при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий, то они квалифицируются по:

- статье 6 (Право на справедливое судебное разбирательство);
- статье 13 (Право на эффективное средство правовой защиты).

Типичные нарушения:

Характерным в данном случае можно считать постановление ЕСПЧ от 30 октября 2014 г. по делу «Носко и Нефедов против России» (жалобы № 5753/09 и 11789/10)¹. Данные жалобы изначально были поданы отдельно, но потом объединены вследствие сходности обстоятельств:

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 октября 2014 г. по делу «Носко и Нефедов против России» (жалобы № 5753/09 и 11789/10) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-147441> (дата обращения: 21 августа 2018 г.).

– в отношении обоих заявителей проводился оперативный эксперимент, направленный на расследование взяточничества. Фактические детали оперативных экспериментов не являются предметом спора, и заявители признались, что получили деньги в обмен на обязательство оказать определенные услуги. Заявители оспорили позицию властей в отношении причин проведения оперативных экспериментов и предшествующих им обстоятельств;

– первая из заявителей на момент задержания работала дерматовенерологом в поликлинике; второй заявитель на момент задержания работал психиатром-наркологом;

– в полицию поступили конфиденциальные оперативные данные о причастности заявителей Носко А. В. и Нефедова Н. П. к незаконному получению денег за выдачу и продление поддельных больничных листов – было принято решение о проведении оперативного эксперимента;

– в ходе эксперимента заявительница Носко А. В. приняла деньги (500 руб.), поскольку подумала, что А. (передавала деньги под контролем и ее знала ранее) предложила их в знак признательности за успешное лечение ее дочери, которое имело место ранее;

– в ходе следствия выяснилось, что А. ранее неоднократно обращалась к врачам больницы с просьбой выдать поддельные больничные листы, т.е. являлась соучастницей преступлений, которые остались латентными;

– сотрудники ДПС привезли к Нефедову Н. П. в кабинет Е. (передавал деньги под контролем – сотрудник милиции) для проведения анализа на содержание алкоголя в его крови; заявитель сделал предварительный анализ, который показал наличие алкоголя;

– Е. неоднократно просил заявителя помочь ему получить отрицательный результат анализа. Сначала Нефедов Н. П. категорически отказался и направил Е. на анализ крови в лабораторию в присутствии сотрудников полиции;

– после этого Е. зашел в кабинет Нефедова Н. П. и снова попросил о содействии. Он предложил заплатить заявителю, утверждая, что от наличия водительских прав зависел его заработок и возможность содержать семью;

Нефедов Н. П. согласился с учетом упоминания о семье, взял деньги и был задержан.

ЕСПЧ усмотрел в действиях в отношении обоих заявителей несоответствие общим принципам ЕКПЧ, в связи с чем сформулировал

несколько правовых позиций: «Секретные операции как таковые не препятствуют осуществлению права на справедливое судебное разбирательство и что присутствие четких, адекватных и достаточных процессуальных гарантий позволяет разграничить допустимые действия полиции и провокации. В делах, главные доказательства по которым были получены в ходе оперативного эксперимента, власти должны доказать наличие веских причин для его проведения. Они должны найти конкретные и объективные доказательства начала действий в составе преступления, за которое заявитель впоследствии был привлечен к ответственности. Оперативные эксперименты необходимо проводить, по существу, пассивно, не побуждая заявителя к совершению преступления при помощи таких средств, как проявление инициативы по установлению контакта с заявителем, настойчивое побуждение, обещание финансовой выгоды или взывание к чувству сострадания заявителя. В случаях, когда обвиняемый выдвигает обоснованную жалобу, касающуюся провокации, национальные суды обязаны ее рассмотреть в ходе состязательного, тщательного, всестороннего и полного разбирательства, при этом бремя доказывания следует возложить на сторону обвинения, которая обязана доказать отсутствие подстрекательства к совершению преступления. В объеме судебного контроля необходимо включить причины проведения оперативного эксперимента, степень участия полиции в инсценировке преступления и характер подстрекательства или давления на заявителя» (пункты 41, 68 и 54, постановления ЕСПЧ от 30 октября 2014 г. по делу «Носко и Нефедов против России» (жалобы № 5753/09 и 11789/10)).

Сходные правовые позиции были сформулированы и в другом деле – постановлении ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99)¹:

– в 1998 году заявитель был задержан и доставлен в ОВД, где его обыскали и нашли при нем пакетик героина; в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по подозрению в незаконном приобретении и хранении наркотических веществ;

– на допросе в районном суде заявитель рассказал, что 2 июня 1998 года он позвонил С. Он попросил С. достать ему наркотики. С. сказал, что постарается, и они договорились встретиться на квартире у С. Вскоре после этого заявителю позвонила О. и попросила его

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) // hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-71673 (дата обращения: 21 сентября 2016 г.).

купить ей героин. О. сказала заявителю, что ей очень нужны были наркотики, так как у нее была ломка;

– испугавшись, что она могла покончить жизнь самоубийством, заявитель согласился и сказал, что он встретит ее возле дома С. Они встретились вечером того же дня. О. передала заявителю 200 рублей. Заявитель поднялся в квартиру С. и купил у того один пакетик героина за 300 рублей. Так как этого количества героина было недостаточно даже для него самого, он решил не делиться с О.;

– далее заявитель сообщил суду, что он дал О. снотворного, сказав ей, что наркотик был низкого качества и что он вернет ей деньги позднее. Собравшись уходить, он заметил приближавшихся к ним людей, которые, как он затем узнал, были сотрудниками милиции. Он убежал от них, выкинув наркотики;

– чуть позже, ночью, он вернулся и нашел наркотики. На следующий день с наркотиками в кармане он пошел на работу, где и был задержан сотрудниками милиции;

– согласно материалам уголовного дела, в отношении Ваньяна было проведено оперативно-разыскное мероприятие «проверочная закупка» наркотических средств с вовлечением в мероприятие третьего лица – агента.

В данном деле ЕСПЧ указал, что *«внедрение тайных агентов должно быть ограничено и обеспечено соответствующими гарантиями даже в случаях борьбы с незаконным оборотом наркотических веществ... Требования справедливого судебного разбирательства по уголовным делам, содержащиеся в статье 6 Конвенции, ведут к тому, что публичные интересы в сфере борьбы с оборотом наркотических веществ не могут служить основанием для использования доказательств, полученных в результате провокации. Если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не могут являться деятельностью (обязанностью) тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его результатов в уголовном процессе могут привести к тому, что будет неоправимо подорван принцип справедливости судебного разбирательства»* (пункты 46 и 47 постановления ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99).

Еще одним характерным примером может служить постановление от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против России» (жалоба № 18757/06)¹:

- в период с 23 по 27 января 2005 года заявительница в ходе телефонных разговоров с С. договорилась с ним, что он будет поставлять ей для последующей продажи гашиш. Данные телефонные разговоры были записаны ФСБ России;

- 28 января 2005 года С. доставил заявительнице гашиш. Она добавила его к тому, что уже имелся у нее дома, упаковала его в три отдельных пластиковых пакета;

- в тот же день было дано разрешение на проведение оперативно-разыскного мероприятия в виде проверочной закупки;

- на следующий день оперативный сотрудник ФСБ России Б., действуя в качестве покупателя, встретился с заявительницей и приобрел у нее 4 408 грамм гашиша. После сделки заявительница была задержана, впоследствии был проведен обыск в ее доме, где она передала еще одну упаковку с гашишем весом 28,6 грамма;

- заявительница признала свою вину в содействии Б. в приобретении гашиша, но утверждала, что Б. подстрекал ее к совершению преступления и что она не совершила бы его без его участия.

В рамках данного дела ЕСПЧ указал на следующие существенные положения: *«Полицейская провокация случается тогда, когда задействованные должностные лица, являющиеся или сотрудниками органов безопасности или лицами, действующими по их указанию, не ограничивают свои действия только расследованием уголовного дела по существу неявным способом, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем, чтобы сделать возможным выявление преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное дело»* (пункт 37 постановления ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против России» (жалоба № 18757/06).

Аналогичные или сходные правовые позиции были высказаны и в других делах, где заявители утверждали, что стали жертвами полицейской провокации при проведении контрольных закупок наркотических средств. К таким делам, в частности, следует отнести постановления ЕСПЧ от 21 июня 2016 г. по делу «Мамонтов и другие про-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против России» (жалоба № 18757/06) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101589> (дата обращения: 21 августа 2018 г.).

тив Российской Федерации» (жалобы № 46796/06, 13260/10 и 52082/10)¹, от 30 ноября 2017 г. по делу «Климов и другие против России» (жалобы № 22625/07, 14218/08, 12509/09, 3154/11, 21968/12, 16340/13, 30203/13, 69862/13 и 28992/14)², от 2 февраля 2012 г. «Веселов и другие против Российской Федерации» (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10)³.

Отдельного внимания в рамках данной категории дел заслуживают правовые позиции ЕСПЧ относительно вопросов *контроля за проведением ОРМ*. Суд неоднократно констатировал, что отсутствие должного контроля и соблюдения необходимых процедур способно существенно нарушить права и законные интересы граждан. Таким образом, предъявляемые ЕСПЧ претензии к Российской Федерации касаются не только методов проведения некоторых оперативно-разыскных мероприятий, но и организационных форм их проведения. В частности, ЕСПЧ указывает на необходимость установления ясной процедуры не только по осуществлению следственных мероприятий, но и по созданию специального контроля с целью обеспечения добросовестности со стороны органов государственной власти и соблюдения законных целей со стороны правоохранительных органов.

В качестве примера следует обратиться к делу «Худобин против Российской Федерации». ЕСПЧ констатировал, что «...проверочная закупка проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность. Судебный контроль осуществляется, если в результате проведения проверочной закупки производится вмешательство в личную жизнь, корреспонденцию и нарушаются другие закрепленные Конституцией Российской Федерации права. Обычным требованием является заполнение протокола, где отображаются результаты проверочной закупки. Впоследствии этот протокол можно использовать в качестве доказательства в уголовном судебном разбирательстве». Таким образом, Суд указал, что в уголовном деле проверочная закупка фактически была санкционирована решением руководителя под-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 июня 2016 г. по делу «Мамонтов и другие против Российской Федерации» (жалоба № 46796/06) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-163804> (дата обращения: 27 августа 2018 г.).

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 ноября 2017 г. по делу «Климов и другие против России» (жалоба № 22625/07) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-178864> (дата обращения: 27 августа 2018 г.).

³ Постановление ЕСПЧ от 2 февраля 2012 г. по делу «Веселов и другие против Российской Федерации» (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-113289> (дата обращения: 27 августа 2018 г.).

разделения, проводившего данное оперативно-разыскное мероприятие, которое тем самым было лишено всякого независимого контроля, в том числе и судебного. А в самом решении (постановлении) о проведении проверочной закупки содержалось очень мало информации относительно причин и целей запланированного оперативно-разыскного мероприятия.

Если рассматривать правовые позиции Верховного Суда РФ в отношении оперативно-разыскных мероприятий и осуществления контрольных закупок, то они за последние 15 лет прошли значительную эволюцию от непризнания даже теоретической возможности провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов до принятия части правовых позиций ЕСПЧ. Так, в постановлении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 апреля 2008 г. № 52-Д07-12 отмечено, что действия сотрудников правоохранительных органов, связанные с производством проверочных закупок в целях раскрытия и предупреждения преступной деятельности, связанной с распространением наркотических средств, не могут рассматриваться как провокационные действия сотрудников милиции. Из текста данного определения следует, что суд надзорной инстанции не рассматривает возможность провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Вместе с тем несколько раньше Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹ сформулировал критерии допустимости использования в доказывании по уголовному делу результатов оперативно-разыскного мероприятия:

– наличие оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренных статьей 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» наличие постановления о проведении проверочной закупки, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность;

– наличие в материалах ОРД представленных в суд данных, свидетельствующих о том, что умысел на совершение преступления сформировался независимо от деятельности сотрудников оперативных

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. – 2006. – № 4103.

подразделений и обвиняемым были проведены все подготовительные действия, необходимые для совершения противоправного деяния.

В «Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ», утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г., критерии, сформулированные ранее, были изменены и в своей трактовке по отдельным моментам стали соответствовать некоторым правовым позициям ЕСПЧ. Так, требование законности проведения проверочной закупки истолковано более широко. Кроме наличия постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, *«для проведения указанного ОРМ требуются данные, свидетельствующие о незаконной деятельности лица, в отношении которого планируется провести закупку, а также следует закрепить эти данные, придать им такую процессуальную форму, которая позволит в будущем признать их доказательствами по делу»*.

Также было указано на положительный опыт отдельных судов, которые обращали внимание на то, что до проведения оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка» у правоохранительных органов не было оснований подозревать лицо в распространении наркотических средств, и было установлено, что сам сбыт наркотического средства явился результатом вмешательства оперативных работников.

Анализ показывает, что ЕСПЧ при рассмотрении жалоб на нарушения при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий констатирует их в основном в двух ситуациях: когда действия сотрудников правоохранительных органов образуют провокацию совершения преступления и когда устанавливается отсутствие должного контроля за порядком проведения оперативно-разыскных мероприятий.

2.9. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения при заключении под стражу и содержании под стражей

Жалобы на нарушения прав человека при заключении под стражу или при содержании под стражей являются одними из самых распространенных не только в практике жалоб против Российской Федерации, но и в аналогичной практике против многих других государств-членов Совета Европы. Объяснением такой «популярности» может служить то, что заключение под стражу занимает особое место среди всех форм государственно-принудительного воздействия, поскольку

данное принуждение осуществляется еще до вступления в силу приговора (решения) суда, и, следовательно, лицо должно рассматриваться как невиновное с сохранением большинства прав, которые ему принадлежат вне рамок уголовного или административного преследования. Однако практика во многих странах идет по пути обвинительного характера мер пресечения, при котором избирается наиболее строгая из них вне зависимости от личности лица или обстоятельств дела. Эта проблема составляет первую категорию жалоб, поступающих в ЕСПЧ по вопросам ареста. Вторая категория – жалобы на условия содержания. Несмотря на принцип презумпции невиновности, во многих случаях условия содержания арестованных лиц таковы, что с точки зрения ЕСПЧ они уже могут рассматриваться как элемент наказания и даже пыток. Третья категория жалоб – применение пыток в условиях содержания под стражей. Учитывая разносторонний характер обстоятельств, порождающих жалобы данной категории, количество статей Конвенции и Протоколов к ней, по которым квалифицируются нарушения, достаточно велико.

Не все жалобы на нарушения при заключении под стражу и содержании под стражей затрагивают интересы МВД России. Большая часть таких жалоб адресована специальному государственному органу – Федеральной службе исполнения наказаний, в компетенции которого в настоящее время находится функция по приведению в исполнение приговоров, а также обеспечение содержания под стражей арестованных лиц. Кроме того, данные жалобы затрагивают судебную систему, поскольку именно за судами остается последнее слово в избрании меры пресечения. Вместе с тем, ряд жалоб прямо или косвенно касается органов внутренних дел: вопросы содержания арестованных в помещениях ОВД; доставление на следственно-оперативные мероприятия; продление сроков содержания под стражей следователями МВД России и т.д.

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения Конвенции при задержании, то они квалифицируются по:

статье 5 (Право на свободу и личную неприкосновенность) Конвенции;

статье 6 (Право на справедливое судебное разбирательство) Конвенции;

статье 13 (Право на эффективное средство правовой защиты) Конвенции;

статье 3 (Запрещение пыток) Конвенции.

Типичные нарушения:

1. Необоснованное содержание под стражей

Под необоснованным содержанием под стражей в большинстве профильных постановлений ЕСПЧ понимается несколько аспектов. Во-первых, это избрание данной меры пресечения в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, не несущего существенной общественной опасности. Во-вторых, принятие решения об аресте без учета личности лица. В-третьих, продление содержания под стражей без существенных на то оснований.

Характерным примером является постановление ЕСПЧ от 10 февраля 2011 г. по делу «Пелевин против России» (жалоба № 38726/05)¹:

- в 2004 году суд по ходатайству органов следствия санкционировал содержание заявителя под стражей. Свое решение суд аргументировал тем, что заявитель уже имел судимость и подозревался в совершении нескольких тяжких уголовных преступлений. Заявитель был безработным и не имел дохода для обеспечения себя и своей семьи;

- через полгода суд первой инстанции по ходатайству органов следствия принял решение назначить день предварительного слушания и предписал, что мера пресечения в виде содержания под стражей для заявителя должна остаться неизменной;

- суд второй инстанции, рассматривая жалобу на такое решение, указал на тяжесть вменяемых обвинений и не нашел оснований для изменения меры пресечения, санкционировав дальнейшее содержание заявителя под стражей, но не установив никаких сроков;

- заявитель и его адвокат ходатайствовали об освобождении заявителя, ссылаясь на фактические и юридические основания. Они утверждали, что судимость заявителя уже погашена и что у него на иждивении находились мать-инвалид и несовершеннолетняя дочь;

- суд признал, что предыдущая судимость заявителя уже погашена, что у него на иждивении находятся два человека. Однако суд придал решающее значение выдвинутым обвинениям.

Таким образом, из всех обстоятельств, которые должны были повлиять на решение суда об изменении меры пресечения, суд остановился только на одном. При этом, в соответствии с принципом презумпции невиновности, заявитель до признания его вины судом, считается невиновным. Предъявленное обвинение (т. е. предположение стороны обвинения) стало таким образом единственным аргументом

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2011 г. по делу «Пелевин против России» (жалоба № 38726/05) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103391> (дата обращения: 24 июня 2016 г.).

за сохранение меры пресечения в виде содержания под стражей для формально невиновного лица.

ЕСПЧ в постановлении указал, что вопрос о том, обоснованно ли обвиняемый остается под стражей, должен рассматриваться в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств дела. Длительное содержание под стражей может считаться обоснованным в данном случае, только если имеются конкретные указания на то, что соблюдение интересов общества, независимо от презумпции невиновности, превышает уважение личной свободы, предусмотренное статьей 5 Конвенции.

Основная правовая позиция ЕСПЧ по данному вопросу сводится к следующему: «...существование и неизменность обоснованного подозрения в том, что задержанное лицо совершило преступление, является условием законности длительного содержания под стражей. Тем не менее, после истечения срока данное условие больше не является достаточным. В таких случаях Суд должен установить, были ли у судебных властей другие причины, которые бы обосновывали лишение свободы. Если такие причины являлись «существенными» и «достаточными», Суд должен также установить, проявили ли компетентные государственные власти «особую тщательность» при судебном разбирательстве. Обоснование любого периода содержания под стражей, независимо от того, насколько он короткий, должно быть убедительно представлено властями. Когда принимается решение о том, должен ли человек быть освобожден или заключен под стражу, власти обязаны рассмотреть альтернативные меры, обеспечивающие явку в суд». «...Суд полагает, что решения государственных судебных органов не основывались на анализе всех существенных обстоятельств дела. Суд напоминает, что по прошествии времени первоначальные причины для заключения под стражу становятся все менее и менее существенными и что суды должны исходить из «существенных» и «достаточных» оснований для длительного лишения свободы» (пункты 52 и 53 постановления ЕСПЧ от 10 февраля 2011 г. по делу «Пелевин против России» (жалоба № 38726/05).

2. Срок содержания под стражей

Прецедентная практика ЕСПЧ исходит из того, что одним из наиболее важных критериев с точки зрения соблюдения прав человека при аресте является разумность его сроков. При этом «разумность» не может оцениваться абстрактно. Разумность такого срока должна оцениваться в каждом конкретном случае в соответствии с обстоятельствами дела.

Европейский Суд допускает длительное содержание под стражей, если имеются особые обстоятельства, исходящие из общественных интересов, которые, с учетом принципа презумпции невиновности, тем не менее важнее принципа уважения свободы личности. ЕСПЧ исходит из того, что основной задачей национальных судов при санкционировании продления сроков содержания под стражей должно быть определение пределов «разумности» продолжительности действия меры пресечения. Они должны рассматривать все факторы, способные повлиять на решение. В том числе факторы личного характера, состояние здоровья обвиняемого, его активную позицию по преодолению последствий преступления.

Характерным примером является постановление от 10 октября 2013 г. по делу «Сорокин против России» (жалоба № 67482/10)¹:

- в 2003 году заявитель был арестован. Ему предъявлено обвинение в краже и использовании похищенных и поддельных документов, удостоверяющих личность. В 2004 году он был осужден к трем годам шести месяцам лишения свободы (отбыл наказание в 2006 году);

- также в 2003 году районный суд избрал заявителю меру пресечения в виде содержания под стражей в связи с обвинением в убийстве, участии в вооруженной преступной группе, разбое, вымогательстве, похищении людей;

- в 2009 году заявитель был осужден областным судом. Весь указанный период времени заявитель содержался под стражей. Помимо наличия разумного подозрения в отношении заявителя следствие ссылалось на риск укрытия от правосудия, повторного совершения преступления, или давления на свидетелей, или присяжных;

- заявитель в общей сложности содержался под стражей более 5 лет.

В постановлении по делу констатируется, что тяжесть предъявленных обвинений может оправдать длительный срок содержания под стражей лица. Однако они не дают правоохранительным органам неограниченные полномочия в отношении продления указанной меры пресечения.

ЕСПЧ согласился с тем, что власти могли разумно считать, что риск оказания давления на свидетелей и присяжных первоначально действительно присутствовал, если учитывать тот факт, что заявитель

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 10 октября 2013 г. по делу «Сорокин против России» (жалоба № 67482/10) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-126639> (дата обращения: 24 июня 2018 г.).

обвинялся в участии в организованной преступной группе. Вместе с тем в постановлении отмечается, что *«...подобный риск, сформулированный в общих словах, не может служить оправданием содержания заявителя под стражей в течение более пяти лет. Аргументация судов не менялась и не отражала ход развития ситуации, а также не подтверждала того, что на более поздней стадии производства указанное основание оставалось существенным»* (пункт 63 постановления Европейского суда от 10 октября 2013 г. по делу «Сорокин против России» (жалоба № 67482/10)).

ЕСПЧ не согласился с аргументацией российских судов о том, что повторное совершение преступления заявителем возможно, поскольку он безработный. По мнению ЕСПЧ, *«...один лишь факт, что обвиняемый – безработный, не может служить оправданием предварительного заключения на протяжении пяти с лишним лет»* (пункт 51 постановления Европейского суда от 10 октября 2013 г. по делу «Сорокин против России» (жалоба № 67482/10)).

Часть правовых позиций ЕСПЧ по вопросам содержания под стражей была сформирована в результате рассмотрения жалоб на продление сроков такого содержания для лиц, которые больны хроническими или неизлечимыми заболеваниями, объективно лишаящие их возможности к совершению новых преступлений, а также возможности скрыться от органов следствия и суда.

Характерным в данном случае можно считать постановление от 30 июля 2009 г. по делу «Алехин против России» (жалоба № 10638/08)¹:

– в 2006 году заявитель, обвиняемый в совершении преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 172 и частью 4 статьи 174.1 УК РФ, был взят под стражу, а в 2008 году осужден;

– после приступа гипертонии в июне 2007 году у заявителя появилась гемиплегия, и он был прикован к постели, не имея возможности самостоятельно передвигаться;

– ходатайства защиты о возможности изменения меры пресечения вследствие изменения обстановки и ухудшения состояния здоровья были отклонены и следователем, и судом.

ЕСПЧ в постановлении отметил, что на начальном этапе расследования суды были убедительны в отношении того, что риск пребывания на свободе заявителя в части возможности совершения

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июля 2009 г. по делу «Алехин против России» (жалоба № 10638/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 12.

повторного преступления или воспрепятствования ведению судебного процесса весьма велик. Хотя, относительно того, имел ли место этот риск в течение всего срока содержания заявителя под стражей, ЕСПЧ указал, что после приступа и наступивших последствий это вряд ли было оправдано. Ограниченные способности заявителя к передвижению и иногда речи, а также необходимость пребывать под постоянным медицинским наблюдением существенно уменьшили риск того, что он мог скрыться, продолжить преступную деятельность, запугать свидетелей или уничтожить улики. Однако, как констатировал Суд, компетентные органы, включая национальные суды, не приняли во внимание изменившиеся обстоятельства и продолжали продлевать срок содержания заявителя под стражей, не оценив, остался ли реальным этот риск с учетом его состояния здоровья.

Еще одна правовая позиция ЕСПЧ по вопросам сроков содержания под стражей связана с приостановлением производства по делу вследствие неустановления лиц, причастных к совершению преступления при одновременном сохранении меры пресечения лицу, которое обвиняется в совершении сопутствующего преступления.

Характерным в данном случае можно считать постановление от 15 марта 2011 г. по делу «Сизов против России» (жалоба № 33123/08)¹:

- заявитель обвинялся в совершении вымогательства; в 2003 году он был задержан; суд отклонил ходатайство прокурора об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей и освободил заявителя под подписку о невыезде;

- в 2004 году неустановленные лица подожгли три автомобиля, которые являлись вещественными доказательствами по уголовному делу и принадлежали потерпевшим; потерпевшие сообщили суду, что подозревают заявителя и других обвиняемых по делу в том, что они подожгли машины с целью оказать на них давление;

- суд изменил заявителю и другим обвиняемым меру пресечения с подписки о невыезде на содержание под стражей;

- в декабре 2004 года расследование по уголовному делу о вымогательстве было приостановлено, а личности преступников не были установлены; заявитель оставался под стражей;

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 марта 2011 г. по делу «Сизов против России» (жалоба № 33123/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 7.

– общий срок нахождения под стражей составил 2 года и 7,5 месяцев.

В рамках рассмотрения жалобы по данному делу ЕСПЧ сформулировал несколько важных правовых позиций.

Во-первых, было признано, что основанием для оставления заявителя под стражей в октябре 2004 года могло служить подозрение в его причастности к заявленным попыткам запугать свидетелей. Однако *«...вследствие изменения обстановки (приостановления дела при неустановлении лиц, причастных к совершению преступления) органы следствия и судебные органы были обязаны привести другие основания для того, чтобы оправдать лишение его свободы»* (пункт 50 постановления ЕСПЧ от 15 марта 2011 г. по делу «Сизов против России» (жалоба № 33123/08)).

Во-вторых, в 2005 – 2008 годах при продлении срока содержания заявителя под стражей следствие и суды последовательно ссылались на тяжесть обвинений, предъявленных заявителю, утверждая, что он может скрыться от правосудия, воспрепятствовать разбирательству по делу или оказать давление на свидетелей. Относительно опасности побега ЕСПЧ указал, что *«...такую опасность нельзя оценивать только на основании тяжести наказания. Она должна оцениваться на основании совокупности дополнительных факторов, которые могут либо подтвердить ее наличие, либо показать, что она настолько невелика, что не может оправдывать длительность предварительного заключения»* (пункт 52 постановления ЕСПЧ от 15 марта 2011 г. по делу «Сизов против России» (жалоба № 33123/08)). Суд констатировал, что в решениях следственных органов не содержалось мотивов, которые могли бы объяснить, почему, не взирая на представленные заявителем аргументы, они сочли определяющим элементом именно опасность побега.

В-третьих, ЕСПЧ в постановлении указал, что, разрешая вопрос об освобождении или заключении лица под стражу, компетентные органы согласно пункта 3 статьи 5 Конвенции *«...обязаны рассмотреть альтернативные меры, обеспечивающие его присутствие на суде»* (пункт 55 постановления ЕСПЧ от 15 марта 2011 г. по делу «Сизов против России» (жалоба № 33123/08)) .

Аналогичные или схожие правовые позиции ЕСПЧ высказывал в таких делах как «Маевский и другие против России» от 24 ноября 2016 г. (жалобы № 5403/07, 12097/09, 52460/13, 54286/13, 60823/13 и 6503/14), «Бирюлев и Шишкин против России» от 14 июня 2016 г. (жалобы № 35919/05 и 3346/06), от 31 января 2017 г. по делу «Вахитов

и другие против Российской Федерации» (жалоба № 18232/11 и 2 других), «Солоненко и другие против Российской Федерации» от 22 февраля 2018 г. (жалобы № 50407/10, 52703/14, 62071/15, 749/16 и 52081/16).

Анализ показывает, что при рассмотрении жалоб на нарушения при заключении под стражу и содержании под стражей ЕСПЧ акцентирует внимание на сроках, обоснованности и необходимости в конкретной ситуации ограничения лица свободы. Суд неоднократно подчеркивал, что при возможности применения более мягкой меры пресечения власти обязаны рассматривать такую альтернативу. Правовые позиции также свидетельствуют о необходимости своевременно пересматривать решения о заключении под стражу при изменении обстоятельств, в том числе, связанных с состоянием здоровья лица.

В настоящее время в целях решения проблем, связанных с нарушениями при заключении под стражу и содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых, были внесены изменения в законодательство Российской Федерации. В частности, Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства»¹ предусмотрел изменения, которые призваны способствовать соблюдению разумного срока уголовного судопроизводства, поскольку ограничивают практику продления срока содержания под стражей на более длительное время, чем это требуется прокурору и суду для принятия решений по поступившему уголовному делу. Кроме того, Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий залога, домашнего ареста»² предусмотрено одно из наиболее существенных изменений отечественной системы мер уголовно-процессуального принуждения – введена новая мера пресечения в виде запрета определенных действий, а также модернизированы залог и домашний арест.

¹ Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 9, ст. 1284.

² Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий залога, домашнего ареста» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 17, ст. 2421.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Страсбургский контрольный механизм за соблюдением прав человека в настоящее время продолжает развиваться как с точки зрения совершенствования процедур, так и с точки зрения появления новых правовых позиций. Рассмотренные в данной работе позиции являются, безусловно, базовыми. Однако новые дела позволяют Суду их дополнять и совершенствовать.

Несмотря на последовательную практику реагирования российских властей на принимаемые Европейским Судом постановления, статистика показывает, что количество жалоб против России в ЕСПЧ возрастает.¹ Вместе с тем за последнее десятилетие на основе постановлений международного судебного органа в России было изменено большое количество нормативно-правовых актов, приняты новые законы, пересмотрены десятки приговоров и решений судов. Все это свидетельствует о том, что Российская Федерация, выполняя постановления ЕСПЧ, обогащает свою правовую систему и правоприменительную практику, реализуя наиболее необходимые новации в сфере защиты прав и свобод человека.

Для МВД России практика ЕСПЧ имеет важное значение, поскольку позволяет выявлять существующие проблемы, формировать правосознание сотрудников, устранять и исправлять факты нарушений прав человека, а также более эффективно защищать их.

В настоящее время правовые позиции ЕСПЧ затрагивают практически все стороны деятельности МВД России. Международные обязательства Российской Федерации в сфере обеспечения и защиты прав человека, постановления Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, которые признают решения Европейского Суда в качестве элемента правовой системы Российской Федерации, неизменно обязывают органы внутренних дел учитывать их в своей деятельности, формируя новую практику правоприменения.

¹ Так, за 2016 г. ЕСПЧ были признаны приемлемыми 283 жалобы; за 2017 г. – 370. – 11th Annual Report of the Committee of Ministers // <https://rm.coe.int/annual-report-2017/16807af92b> (дата обращения: 27 августа 2018 г.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Международные акты

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2, ст. 163.

Протокол № 1 к Европейской конвенции 1952 г. // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.

Протокол № 2 к Европейской конвенции 1963 г. // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.

Протокол № 4 к Европейской конвенции 1963 г. // Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 7.

Протокол № 6 к Европейской конвенции 1983 г. // Действующее международное право. Т. 2. – М. : Московский независимый институт международного права, 1997.

Протокол № 7 к Европейской конвенции 1984 г. // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.

Протокол № 11 к Европейской конвенции 1994 г. // Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 12.

Рекомендация от 19 января 2000 г. № R (2000) 2 «По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека» // Российская газета. – 2001. – № 12.

Постановления Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 февраля 1998 г. по делу «Боуман против Соединенного Королевства» (жалоба № 24839/94) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58134>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против России (№ 2)» (жалоба № 33509/04) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90671>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июня 2010 г. по делу «Захаркин против Российской Федерации» (жалоба № 1555/04) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99226>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2010 г. по делу «Борис Попов против Российской Федерации» (жалоба № 23284/04) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101323>.

Постановление Европейского Суда по правам человека 6 июня 2013 г. по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации» (жалоба № 1585/09) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-120071>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04 и 15162/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2014. – № 2.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июня 2013 г. по делу «Сидиковы против Российской Федерации» (жалоба № 73455/11) // <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-209770/>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 июля 2007 г. по делу «Трепашкин против Российской Федерации» (жалоба № 36898/03) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-81801>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 марта 2017 г. по делу «Кавалеров и другие против России» (жалоба № 55477/10) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-173388>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 января 2017 г. по делу «Лавейкин против России» (жалоба № 10727/07) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170028>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 октября 2016 г. по делу «Некрасов против России» (жалоба № 8049/07) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-162860>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. по делу «Александр Соколов против Российской Федерации» (жалоба № 20364/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 1.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2014 г. по делу «Навальный и Яшин против России» (жалоба № 76204/11) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-148286>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2015 г. по делу «Раззаков против России» (жалоба № 5269/08) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-150790>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 января 2014 г. по делу «Щиборщ и Кузьмина против России» (жалоба № 57519/09) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-140013>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 октября 2015 г. по делу «А.Л. против России» (жалоба № 44095/14) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158148>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 июля 2014 г. по делу «Ким против России» (жалоба № 44260/13) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145584>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 ноября 2017 г. по делу «M.S.A. и другие против России» (жалоба № 29957/14 (и др.) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179419>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 октября 2016 г. по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-167804>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 декабря 2013 г. по делу «Добриева и другие против России» (жалоба № 18407/10) // <http://www.genproc.gov.ru/documents/espch/document-358325/>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1998 г. по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (жалоба № 24760/94) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58261>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 января 2006 г. по делу «Михеев против России» (жалоба № 77617/01) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72166>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный (VII) против России» (жалобы № 46632/13 и 28671/14) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-161060>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 июля 2017 г. по делу «Захаркин и другие против России» (жалоба № 40377/10) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175681>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2017 г. по делу «Лашманкин и другие против России» (жалоба № 57818/09) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170857>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 февраля 2001 г. по делу «Чиек против Турции» (жалоба №. 25704/94) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59219>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2008 г. по делу «Атабаева и другие против России» (жалоба № 26064/02) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86883>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2008 г. по делу «Элмурзаев и другие против России» (жалоба № 3019/04) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86945>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 2017 г. по делу «Куштова и другие против России» (№ 2)» (жалоба № 60806/08) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-171527>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 октября 2014 г. по делу «Носко и Нефедов против России» (жалобы № 5753/09 и 11789/10) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-147441>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) // hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-71673.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против России» (жалоба № 18757/06) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101589>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 июня 2016 г. по делу «Мамонтов и другие против Российской Федерации» (жалоба № 46796/06) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-163804>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 ноября 2017 г. по делу «Климов и другие против России» (жалоба № 22625/07) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-178864>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 февраля 2012 г. по делу «Веселов и другие против Российской Федерации» (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-113289>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2011 г. по делу «Пелевин против России» (жалоба № 38726/05) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103391>.

Постановление Европейского суда по правам человека от 10 октября 2013 г. по делу «Сорокин против России» (жалоба № 67482/10) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-126639>.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июля 2009 г. по делу «Алехин против России» (жалоба № 10638/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 12.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 марта 2011 г. по делу «Сизов против России» (жалоба № 33123/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 7.

Правовые акты Российской Федерации

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398.

Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 14, ст. 1514.

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 193-ФЗ «О внесении изменения в статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I), ст. 3399.

Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 53 (ч. 1), ст. 7629.

Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 18, ст. 2144.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 29, ст. 2759.

Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004 – № 25, ст. 2485.

Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 34, ст. 4029.

Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 9, ст. 1284.

Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий залога, и домашнего ареста» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 17, ст. 2421.

Указ Президента РФ от 29 марта 1998 г. № 310 «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителе Министра юстиции Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 14, ст. 1540.

Акты Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2016 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях и подпункта 2 части 1 статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 3.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчуглов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. – 2016. – № 95.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей первой и четвертой статьи 13, пункта 4 части третьей статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей первой и четвертой статьи 15, пункта 4 части первой статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – 2015. – № 163.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. №4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» // Российская газета. – 2010. – № 51.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бутмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Российская газета. – 2003. – № 221.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 3.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 27, ст. 2882.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 2.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – № 244.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. – 2013. – № 145.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. – 2006. – № 4103.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. – 2013. – № 294.

Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 13-О «По жалобе гражданина Петрова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой и подпунктом «б» пункта 2 части четвертой статьи 413, частью пятой статьи 415 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» – <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision222254.pdf>.

Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2017 г. № 8-АД17-7. // URL: <http://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13112017-n-8-ad17-7/>.

Научно-практическая литература

Караманукян Д. Т. Акты Европейского суда по правам человека в российской правовой системе : учебное пособие. – Омск : ОмЮИ, 2013.

Князькин С. А. Жалоба в Европейский Суд по правам человека: новый формуляр и образец заполнения / С. А. Князькин. – М. : Норма: Инфра-М, 2014.

Максуров А. А. Защита права собственности в Европейском Суде по правам человека: монография / А. А. Максуров. – М. : Инфра-М, 2015.

Рожкова М. А., Афанасьев Д. В., Тай Ю. В. Порядок рассмотрения жалоб в Европейском Суде по правам человека. – М., 2013.

Берестнев Ю. Ю. Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2006 год. – М., 2007.

Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации. – М., 2003.

Европейский Суд по правам человека. Избранные постановления 2001 г. В 2-х ч. – М., 2008–2010.

Комаров С. А. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации : монография. – СПб.: Изд-во Юридического института; Рязань: Концепция, 2014.

Мартынов О. А. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на правовую систему Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 1 (18).

Микеле де Сальвиа. Европейская конвенция по правам человека. – СПб., 2004.

Микеле де Сальвиа. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – СПб., 2004.

Обращение в Европейский Суд по правам человека / под общ. ред. Ф. Лича. – М., 2006.

Обзор постановлений Европейского Суда по правам человека и запросов Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации, поступивших в Министерство внутренних дел Российской Федерации в 2017 году // Автоматизированная информационно-поисковая система «Судебная практика» специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист».

Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека по отдельным направлениям деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Сервис обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, раздел «Судебно-исковая работа».

Учебное пособие

Коннов Валерий Анатольевич,
кандидат юридических наук;

Симонова Александра Евгеньевна,
кандидат юридических наук;

Песковая Юлия Васильевна,
кандидат юридических наук

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ЖАЛОБАМ НА
НАРУШЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Редактор *Чеботарева С. О.*
Компьютерная верстка *Татариновой О. А.*

Подписано в печать 00.00.2019 г. Формат 60×84 1/16
Заказ № 1765 Цена договорная

Тираж 62 экз.
Объем 5,77 уч.-изд. л.
5,87 усл. печ. л
